

Гомер

Одиссея

Гомер Одиссея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146616

Аннотация

«Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных.
Все же при этом не спас он товарищей, как ни старался...»

Содержание

Песнь первая	4
Песнь вторая	23
Песнь третья	41
Песнь четвертая	61
Песнь пятая	95
Песнь шестая	115
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Гомер

Одиссея

Песнь первая

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную
Трою,

Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасении заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных.
Все же при этом не спас он товарищей, как ни старался.
Собственным сами себя святотатством они погубили:
Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.

Дня возвращенья домой навсегда их за это лишил он.
Муза! Об этом и нам Расскажи, начав с чего хочешь.
Все остальные в то время, избегнув гибели близкой,
Были уж дома, равно и войны избежавши и моря.
Только его, по жене и отчизне болевшего сердцем,
Нимфа-царица Калипсо, богиня в богинях, держала
В гроте глубоком, желая, чтоб сделался ей он супругом.
Но протекали года, и уж год наступил, когда было
Сыну Лаэрта богами назначено в дом свой вернуться.
Также, однако, и там, на Итаке, не мог избежать он
Многих трудов, хоть и был меж друзей. Сострадания

полны

Были все боги к нему. Лишь один Посейдон непрерывно
Гнал Одиссея, покамест своей он земли не достигнул.

Был Посейдон в это время в далекой стране эфиопов,
Крайние части земли на обоих концах населявших:

Где Гиперион заходит и где он поутру восходит.

Там принимал он от них гекатомбы быков и баранов,

Там наслаждался он, сидя на пиршестве. Все ж остальные
Боги в чертогах Кронида-отца находились в сборе.

С речью ко всем им родитель мужей и богов обратился;
На сердце, в памяти был у владыки Эгист безукорный,
Жизни Агамемнонидом лишенный, преславным
Орестом.

Помня о нем, обратился к бессмертным Кронид со
словами:

«Странно, как люди охотно во всем обвиняют
бессмертных!

Зло происходит от нас, утверждают они, но не сами ль
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?

Так и Эгист, – не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял себе в жены, его умертвив при возврате в отчизну?

Гибель грозящую знал он: ему наказали мы строго,
Зоркого аргоубийцу Гермеса послав, чтоб не смел он
Ни самого убивать, ни жену его брать себе в жены.

Мсть за Атрида придет от Ореста, когда, возмужавши,
Он пожелает вступить во владенье своею странюю.

Так говорил ему, блага желая, Гермес; но не смог он
Сердца его убедить. И за это Эгист поплатился».

Зевс сказала тогда совоокая дева Афина:

«О наш родитель Кронид, из властителей всех
наивысший!

Правду сказал ты, — вполне заслужил он подобную
гибель.

Так да погибнет и всякий, кто дело такое свершил бы!

Но разрывается сердце мое за царя Одиссея:

Терпит, несчастный, он беды, от милых вдали, на
объятном

Волнами острове, в месте, где пуп обретается моря.

Остров, поросший лесами; на нем обитает богиня,

Дочь кознодея Атланта, которому ведомы бездны

Моря всего и который надзор за столбами имеет:

Между землею и небом стоят они, их раздвигая.

Скорбью объятая, держит несчастного дочь Атланта,

Мягкой и вкрадчивой речью все время его обольщая,

Чтобы забыл о своей он Итаке. Но, страстно желая

Видеть хоть дым восходящий родимой земли,
помышляет

Только о смерти одной Одиссеей. Неужели не тронет

Милого сердца тебе, Олимпиец, судьба его злая?

Он ли не чествовал в жертвах тебя на равнине троянской

Близ кораблей аргивян? Так на что же ты, Зевс,
негодуешь?»

Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:

«Что за слова у тебя из ограда зубов излетели!

Как это смог бы забыть о божественном я Одиссее,

Так выдающемся мыслью меж смертных, с такою охотой

Жертвы богам приносящем, владыкам широкого неба?

Но Посейдон-земледержец к нему не имеющим меры

Гневом пылает за то, что циклоп Полифем богоравный
Глаза лишен им, — циклоп, чья сила меж прочих
циклопов

Самой великой была; родился он от нимфы Фоосы,
Дочери Форкина, стража немолчно шумящего моря,
В связь с Посейдоном-владыкой вступившей в пещере
глубокой,

С этой поры колебатель земли Посейдон Одиссея
Не убивает, но прочь отгоняет от милой отчизны.

Что же, подумаем все мы, кто здесь на Олимпе сегодня,
Как бы домой возвратиться ему. Посейдон же отбросит
Гнев свой: не сможет один он со всеми бессмертными
спорить

И против воли всеобщей богов поступать самовластно».

Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:

«О наш родитель Кронид, из властителей всех
наивысший!

Если угодно теперь всеблаженным богам, чтоб вернуться
Мог Одиссей многоумный в отчизну, прикажем Гермесу
Аргоубийце, решений твоих исполнителю, к нимфе
В косах, красиво сплетенных, на остров Огигию тотчас
Мчаться и ей передать непреклонное наше решение,
Чтобы на родину был возвращен Одиссей многостойкий.
Я же в Итаку отправлюсь, чтоб там Одиссееву сыну
Бодрости больше внушить и вложить ему мужество в
сердце,

Чтоб, на собрание длинноволосых ахейцев созвавши,
Всех женихов он изгнал, убивающих в доме без счета
Кучей ходящих овец и рогатых быков тихходных.

После того я пошлю его в Спарту и Пилос песчаный,
Чтобы разведал о милом отце и его возвращеньи,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амвросиальные, всюду ее с дуновеньями ветра
И над землей беспредельной носившие и над водою.
В руки взяла боевое копье, изостренное медью, –
Тяжкое, крепкое; им избивала Афина героев,
Гнев на себя навлекавших богини могучеотцовной.
Ринулась бурно богиня с высоких вершин олимпийских,
Стала в итакской стране у двора Одиссеева дома
Перед порогом ворот, с копьем своим острым в ладони,
Образ приняв чужестранца, тафосцев властителя Мента.
Там женихов горделивых застала. Они перед дверью
Душу себе услаждали, с усердием в кости играя,
Сидя на шкурах быков, самими же ими убитых.
В зале же вестники вместе с проворными слугами дома
Эти – вино наливали в кратеры, мешая с водою,
Те, – ноздреватою губкой обмывши столы, выдвигали
Их на средину и клали на них в изобилии мясо.
Первым из всех Телемах боговидный заметил богиню.
Сердцем печалуясь милым, он молча сидел с женихами.
И представлялось ему, как явился родитель могучий,
Как разогнал бы он всех женихов по домам, захватил бы
Власть свою снова и стал бы владений своих господином.
В мыслях таких, с женихами сидя, он увидел Афины.
Быстро направился к двери, душою стыдясь, что так
долго
Странник у входа стоять принужден; и, поспешно

приблизясь,

Взял он за правую руку прищельца, копье его принял,
Голос повысил и с речью крылатой к нему обратился:
«Радуйся, странник! Войди! Мы тебя угостим, а потом
уж,

Пищей насытившись, ты нам расскажешь, чего тебе
нужно».

Так он сказал и пошел. А за ним и Паллада Афина.
После того как вошли они в дом Одиссеев высокий,
Гостя копье он к высокой колонне понес и поставил
В копьехранилище гладкое, где еще много стояло
Копий других Одиссея, могучего духом в несчастьях.
После богиню подвел он к прекрасноузорному креслу,
Тканью застав, усадил, а под ноги придвинул скамейку.
Рядом и сам поместился на стуле резном, в отдалении
От женихов, чтобы гость, по соседству с надменными
сидя,

Не получил отвращения к еде, отягченный их шумом,
Также, чтоб в тайне его расспросить об отце отдаленном.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с рукомойной водою
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания; после расставила стол она гладкий.
Хлеб положила перед ними почтенная ключница, много
Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.
Кравчий поставил пред ними на блюдах, подняв их
высоко,

Разного мяса и кубки близ них поместил золотые;
Вестник же к ним подходил то и дело, вина подливая.
Шумно вошли со двора женихи горделивые в залу

И по порядку расселись на креслах и стульях; с водою
Вестники к ним подошли, и они себе руки умыли.
Доверху хлеба в корзины прислужницы им положили,
Мальчики влили напиток в кратеры до самого края.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Новым желаньем зажглись сердца женихов: захотелось
Музыки, плясок – улады прекраснейшей всякого пира.
Фемию вестник кифару прекрасную передал в руки:
Пред женихами ему приходилось петь поневоле.
Фемий кифару поднял и начал прекрасную песню.
И обратился тогда Телемах к совоокой Афине,
К ней наклонясь головой, чтоб никто посторонний не
слышал:

«Ты не рассердишься, гость дорогой мой, на то, что скажу
я?

Только одно на уме вот у этих – кифара да песни.
Немудрено: расточают они здесь чужие богатства –
Мужа, чьи белые кости, изгнившие где-нибудь, дождик
Мочит на суше иль в море свирепые волны качают.
Если б увидели, что на Итаку он снова вернулся,
Все пожелали бы лучше иметь попроворнее ноги,
Чем богатеть, и одежду и золото здесь накапливая.
Злою судьбой он, однако, погублен, и нет никакого
Нам утешенья, хотя кое-кто из людей утверждает:
Он еще будет. Но нет! Уж погиб его день возвращенья!
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?
И на каком корабле ты приехал, какую дорогой

К нам тебя в гости везли корабельщики? Кто они сами?
Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам ты добрался.
Так же и это скажи откровенно, чтоб знал хорошо я:
В первый ли раз ты сюда приезжаешь иль давним
отцовским

Гостем ты был? Приезжало немало в минувшие годы
В дом наш гостей, ибо много с людьми мой общался
родитель».

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

«Я на вопросы твои с откровенностью полной отвечу:
Имя мне – Мент; мой отец – Анхиал многоумный, и этим
Рад я всегда похвалиться; а сам я владыка тафосцев
Веслолюбивых, приехал в своем корабле со своими;
По винно-чермному морю плыву к чужеземцам за медью
В город далекий Темесу, а еду с блестящим железом.
Свой же корабль я поставил под склоном лесистым
Нейона

В пристани Ретре, далеко от города, около поля.
С гордостью я заявляю, что мы с Одиссеем друг другу
Давние гости. Когда посетишь ты героя Лаэрта,
Можешь об этом спросить старика. Говорят, уж не ходит
Больше он в город, но, беды терпя, обитает далеко
В поле со старой служанкой, которая кормит и поит
Старца, когда, по холмам виноградника день
пробродивши,

Старые члены свои истомив, возвращается в дом он.
К вам я теперь: говорили, что он уже дома, отец твой.
Видно, однако же, боги ему возвратиться мешают.
Но не погиб на земле Одиссей богоравный, поверь мне.

Где-нибудь в море широком, на острове волнообъятом,
Он задержался живой и томится под властью свирепых,
Диких людей и не может уйти, как ни рвется душою.
Но предсказать я берусь – и какое об этом имеют
Мнение боги и как, полагаю я, все совершится,
Хоть я совсем не пророк и по птицам гадать не умею.
Будет недолго еще он с отчизною милой в разлуке,
Если бы даже его хоть железные цепи держали.
В хитростях опытен он и придумает, как воротиться.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе пред собой Одиссеева сына?
Страшно ты с ним головой и глазами прекрасными
сходен.

Часто в минувшее время встречались мы с ним до того,
как

В Трою походом отправился он, куда и другие
Лучшие из аргивян на судах крутобоких поплыли.
После ж ни я с Одиссеем, ни он не встречался со мною».
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Я на вопрос твой, о гость наш, отвечу вполне
откровенно:

Мать говорит, что я сын Одиссея, но сам я не знаю.
Может ли кто-нибудь знать, от какого отца он родился?
Счастлив я был бы, когда бы родителем мне приходился
Муж, во владеньях своих до старости мирно доживший.
Но – между всеми людьми земнородными самый
несчастный –

Он мне отец, раз уж это узнать от меня пожелал ты».

Снова сказала ему совоокая дева Афина:

«Видно, угодно бессмертным, чтоб не был без славы в
грядущем

Род твой, когда вот такого, как ты, родила Пенелопа.

Ты ж мне теперь Расскажи, ничего от меня не скрывая:

Что за обед здесь? Какое собрание? Зачем тебе это?

Свадьба ли здесь или пир? Ведь не в складчину ж он
происходит.

Кажется только, что гости твои необузданно в доме
Вашем бесчинствуют. Стыд бы почувствовал всякий
разумный

Муж, заглянувший сюда, поведение их гнусное видя».

Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:

«Раз ты, о гость мой, спросил и узнать пожелал, то узнай
же:

Некогда полон богатства был дом этот, был уважаем
Всеми в то время, когда еще здесь тот муж находился.

Нынче ж иное решение враждебные приняли боги,

Сделав его между всеми мужами невидимым глазу.

Менее стал бы о нем сокрушаться я, если б он умер,

Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб
он

Или, окончив войну, на руках у друзей бы скончался.

Был бы насыпан над ним всеахейцами холм
погребальный,

Сыну б великую славу на все времена он оставил.

Ныне же Гарпии взяли бесславно его, и ушел он,

Всеми забытый, безвестный, и сыну оставил на долю

Только печаль и рыдания. Но я не об нем лишь едином

Плачу; другое мне горе жестокое боги послали:

Первые люди по власти, что здесь острова населяют
Зам, и Дулихий, и Закинф, покрытый густыми лесами,
И каменистую нашу Итаку, – стремятся упорно
Мать принудить мою к браку и грабят имущество наше.
Мать же и в брак ненавистный не хочет вступить и не
может

Их притязаньям конец положить, а они разоряют
Дом мой пирами и скоро меня самого уничтожат».

В негодованьи ему отвечала Паллада Афина:

«Горе! Я вижу теперь, как тебе Одиссей отдаленный
Нужен, чтоб руки свои наложил на бесстыдных
пришельцев.

Если б теперь, воротившись, он встал перед дверью
домовой

С парюю копий в руке, со щитом своим крепким и в
шлеме, –

Как я впервые увидел героя в то время, когда он

В доме у нас на пиру веселился, за чашею сидя,

К нам из Эфиры прибывши от Ила, Мермерова сына:

Также и там побывал Одиссей на судне своем быстром;

Яда, смертельного людям, искал он, чтоб мог им намазать

Медные стрелы свои. Однако же Ил отказался

Дать ему яду: стыдился душою богов он бессмертных.

Мой же отец ему дал, потому что любил его страшно.

Пред женихами когда бы в таком появился он виде,

Короткожизненны стали б они и весьма горькобразны!

Это, однако же, в лоне богов всемогущих сокрыто, –

Он за себя отомстит ли иль нет, возвратившись обратно

В дом свой родной. А теперь я тебе предложил бы

подумать,

Как поступить, чтобы всех женихов удалить из чертога.
Слушай меня и к тому, что скажу, отнесись со вниманьем:

Завтра, граждан ахейских созвав на собрание, открыто
Все Расскажи им, и боги тебе пусть свидетели будут.
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;
Мать же твоя, если дух ее снова замужества хочет,
Пусть возвратится к отцу многосильному, в дом свой
родимый;

Пусть снаряжает он свадьбу, приданое давши большое,
Сколько его получить полагается дочери милой.
Что ж до тебя, – мой разумный совет ты, быть может,
исполнишь:

Лучший корабль с двадцатью снарядивши гребцами,
отправься

И об отце поразведай исчезнувшем; верно, из смертных
Кто-либо сможет о нем сообщить иль Молва тебе скажет
Зевсова – больше всего она людям известий приносит.

В Пилосе раньше узнаешь, что скажет божественный
Нестор,

К русому после того Менелаю отправишься в Спарту;
Прибыл домой он последним из всех меднолатных
ахейцев.

Если услышишь, что жив твой отец, что домой он
вернется,

Год дожидайся его, терпеливо снося притеснения;

Если ж услышишь, что мертв он, что нет его больше на
свете,

То, возвратившись обратно в отцовскую милую землю,
В честь его холм ты насыплешь могильный, как следует
справишь

Чин похоронный по нем и в замужество мать свою
выдашь.

После того как ты все это сделаешь, все это кончишь,
В сердце своем и в уме хорошенько обдумай, какими
Средствами всех женихов в чертогах твоих изничтожить,
Хитростью или открыто. Ребятскими жить пустяками
Время прошло для тебя, не таков уже ныне твой возраст.
Иль неизвестно тебе, что с божественным было Орестом,
Славу какую он добыл, расправясь с коварным Эгистом,
Отцеубийцей, отца его славного жизни лишившим?

Вижу я, друг дорогой мой, что ты и велик и прекрасен,
Ты не слабее его, ты в потомстве прославишься также;
Но уж давно мне пора возвратиться на быстрый корабль
мой:

Спутники ждут и наверно в душе возмущаются мною.

Ты ж о себе позаботься и то, что сказал я, обдумай».

Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:

«Право же, гость мой, со мной говоришь ты с такою
любовью,

Словно отец; никогда я твоих не забуду советов.

Но подожди, хоть и очень, как вижу, в дорогу спешишь
ты.

Вымойся раньше у нас, улади себе милое сердце.

С радостным духом потом унесешь на корабль ты
подарок

Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память,

Как меж гостей и хозяев бывает, приятных друг другу». Так отвечала ему совоокая дева Афина:

«Нет, не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу. Дар же, что милое сердце тебя побуждает вручить мне, Я, возвращаясь обратно, приму и домой с ним уеду, Дар получив дорогой и таким же тебя отдаривши».

Молвила и отошла совоокая дева Афина, Как быстрокрылая птица, порхнула в окно. Охватила Сила его и отвага. И больше еще он, чем прежде, Вспомнил отца дорогого. И, в сердце своем поразмыслив, В трепет душою пришел, познав, что беседовал с богом. Тотчас назад к женихам направился муж богоравный. Пел перед ними певец знаменитый, они же сидели, Слушая молча. Он пел о возврате печальном из Трои Рати ахейцев, ниспосланном им Палладой Афиной. В верхнем покое своем вдохновенное слышала пенье Старца Икария дочь, Пенелопа разумная. Тотчас Сверху спустилась она высокою лестницей дома, Но не одна; с ней вместе спустились и двое служанок. В залу войдя к женихам, Пенелопа, богиня средь женщин,

Стала вблизи косяка ведущей в столовую двери, Щеки закрывши себе покрывалом блестящим, а рядом С нею, с обеих сторон, усердные стали служанки. Плача, певцу вдохновенному так Пенелопа сказала: «Фемий, ты знаешь так много других восхищающих душу

Песен, какими певцы восславляют богов и героев. Спой же из них, пред собранием сидя, одну. И в молчаньи

Гости ей будут внимать за вином. Но прерви начатую
Песню печальную; скорбью она наполняет в груди мне
Милое сердце. На долю мне выпало злейшее горе.
Мужа такого лишась, не могу я забыть о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос».
Матери так возразил рассудительный сын Одиссеев:
«Мать моя, что ты мешаешь певцу в удовольствие наше
То воспевать, чем в душе он горит? Не певец в том
виновен, —

Зевс тут виновен, который трудящимся тягостно людям
Каждому в душу влагает, что хочет. Нельзя раздражаться,
Раз воспевать пожелал он удел злополучный данайцев.
Больше всего восхищаются люди обычно такую
Песню, которая им представляется самой новой.
Дух и сердце себе укроти и заставь себя слушать.
Не одному Одиссею домой не пришлось воротиться,
Множество также других не вернулось домой из-под
Трои.

Лучше вернись-ка к себе и займись своими делами —
Пряжей, тканьем; прикажи, чтоб служанки немедля за
дело

Также взялись. Говорить же — не женское дело, а дело
Мужа, всех больше — мое; у себя я один повелитель».
Так он сказал. Изумившись, обратно пошла Пенелопа.
Сына разумное слово глубоко ей в душу проникло.
Наверх поднявшись к себе со служанками, плакала долго
Об Одиссее она, о супруге любимом, покуда
Сладостным сном не покрыла ей веки богиня Афина.
А женихи в это время шумели в тенистом чертоге;

Сильно им всем захотелось на ложе возлечь с Пенелопой.
С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:
«О женихи Пенелопы, надменные, гордые люди!

Будем теперь пировать, наслаждаться. Шуметь
перестаньте!

Так ведь приятно и сладко внимать песнопеньям
прекрасным

Мужа такого, как этот, – по пению равного богу!

Завтра же утром сойдемся на площадь, откроем
собрание,

Там я открыто пред целым народом скажу, чтобы тотчас
Дом мой очистили вы. А с пирами устройтесь иначе:

Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.

Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше

У одного человека богатство губить безвозмездно, –

Жрите! А я воззову за поддержкой к богам вечносущим.

Может быть, делу возмездия даст совершиться Кронион:

Все вы погибнете здесь же, и пени за это не будет!»

Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,

Смелым словам удивлялись, которые вдруг услышали.

Тотчас к нему Антиной обратился, рожденный
Евпейтом:

«Сами, наверное, боги тебя, Телемах, обучают

Так беззастенчиво хвастать и так разговаривать нагло.

Зевс нас избави, чтоб стал ты в объятой волнами Итаке

Нашим царем, по рожденью уж право имея на это!»

И, возражая ему, Телемах рассудительный молвил:

«Ты на меня не сердись, Антиной, но скажу тебе вот что:

Если бы это мне Зевс даровал, я конечно бы принял.

Или, по-твоему, нет ничего уже хуже, чем это?
Царствовать – дело совсем не плохое; скопляются скоро
В доме царевом богатства, и сам он в чести у народа.
Но между знатных ахейцев в объятной волнами Итаке
Множество есть и других, молодых или старых, которым
Власть бы могла перейти, раз царя Одиссея не стало.
Но у себя я один останусь хозяином дома,
Как и рабов, для меня Одиссеем царем приведенных!»
Начал тогда говорить Евримах, рожденный Полибом:
«О Телемах, это в лоне богов всемогущих сокрыто,
Кто из ахейцев царем на Итаке окажется нашей.
Все же, что здесь, то твое, и в дому своем сам ты хозяин.
Вряд ли найдется, пока обитаема будет Итака,
Кто-нибудь, кто бы дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой милейший, о нынешнем госте:
Кто этот гость и откуда? Отечеством землю какую
Славится Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о возврате отца твоего он явился
Или по собственной нужде приехал сюда, на Итаку?
Сразу исчезнув, не ждал он, чтоб здесь познакомиться с
нами.
На худородного он человека лицом не походит».
И, отвечая ему, Телемах рассудительный молвил:
«На возвращенье отца, Евримах, я надежд не имею.
Я ни вестям уж не верю, откуда-нибудь приходящим,
Ни прорицаньям внимать не желаю, к которым, сзывая
Разных гадателей в дом, без конца моя мать прибегает.
Путник же этот мне гость по отцу, он из Тафоса родом,
Мент, называет себя Энхиала разумного сыном

С гордостью, сам же владыка он веслолюбивых
тафосцев».

Так говорил Телемах, хоть и знал, что беседовал с богом.
Те же, занявшись опять усладительным пеньем и
пляской,

Тешились ими и ждали, покамест приблизится вечер.
Тешились так, веселились. И вечер надвинулся черный.
Встали тогда и пошли по домам, чтоб покою предаться.
Сын же царя Одиссея прекрасным двором в свой
высокий

Двинулся спальный покой, кругом хорошо защищенный.
Думая в сердце о многом, туда он для сна отправлялся.

С факелом в каждой руке впереди его шла Евриклея,
Дочь домовитая Опа, рожденного от Пенсенора.

Куплей когда-то Лаэрт достояньем своим ее сделал
Юным подросточком, двадцать быков за нее заплативши,
И наравне с домовитой женой почитал ее в доме,
Но, чтоб жену не гневить, постели своей не делил с ней.
Шла она с факелом в каждой руке. Из невольниц любила
Всех она больше его и с детства его воспитала.

Двери открыл Телемах у искусно построенной спальни,
Сел на постель и, мягкий хитон через голову снявши,
Этот хитон свой старухе услужливой на руки кинул.
Та встряхнула хитон, по складкам искусно сложила
И на колок близ точеной постели повесила. После
Вышла старуха тихонько из спальни, серебряной ручкой
Дверь за собой притворила, засов ремнем притянувши.
Ночь напролет на постели, покрывшись овчиною мягкой,
Он размышлял о дороге, в которую зван был Афиной.

Песнь вторая

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Встал с постели своей возлюбленный сын Одиссея,
В платье оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,
К белым ногам привязал красивого вида подошвы,
Вышел быстро из спальни, бессмертному богу подобный,
И приказание отдал глашатаям звонкоголосым
Длинноволосых ахейцев тотчас же созвать на собрание.
Очень скоро на клич их на площади все собрались.
После того как сошлись и толпа собралась большая,
Вышел на площадь и он, с копьем медноострым в ладони.
Шел не один он. За ним две резвых собаки бежали.
Вид на него излила несказанно приятный Афина.
Весь изумился народ, увидавши, каким подходил он.
Сел он на месте отцовском, геронты пред ним
расступились.
Встал благородный Египтий и речь пред собранием
начал.
Был он летами согбен и опыт имел богатейший;
Сын его милый, Антиф-копьеборец, отплыл с Одиссеем
На кораблях изогнутых в конями богатую Трою.
Был умерщвлен он в глубокой пещере свирепым
Циклопом
И послужил для него последней едою на ужин.
Три еще сына остались; в числе женихов находился

Сын Еврином, остальные в отцовском работали доме.
Все же о первом все время он помнил, скорбя и печалась.
Слезы о нем проливая, он стал говорить пред собранием:
«Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!
Не созывались у нас ни совет, ни собрание народа
С самой поры, как отплыл Одиссей на судах изогнутых.
Кто же теперь нас собрал? Кто почувствовал надобность
в этом, —

Из молодых ли людей кто-нибудь иль из тех, кто
постарше?

Что он — услышал ли весть о прибытии войска и хочет
Все сообщить нам правдиво, раз первый об этом
услышал?

Или о деле народном другом говорить он намерен?
Благословенным он кажется мне и отважным. Пускай он
Счастье получит от Зевса такое, какого желает!»

Кончил. С радостью речь его выслушал сын Одиссеев.
Заговорить он рвался, на месте ему не сиделось.
Стал в середине собрания. И скипетр вложил ему в руки
Вестник, разумные мысли имеющий в сердце, Писенор.
Прежде всего к старику Телемах обратился и молвил:
«Старец, тот муж недалеко, — сейчас его сам ты
увидишь, —

Тот, кто собрание созвал. Печаль мне великая нынче.
Вести такой я не слышал, чтоб к нам приближалось
войско,

Нечего мне сообщить вам, что первый об этом я слышал.
Не собрался говорить и о деле другом я народном.
Дело идет обо мне и о бедах, на дом мой упавших.

Две их: одна – погиб у меня мой отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как отец, вас
любивший.

Много еще тяжелее вторая беда, от которой
Скоро погибнет наш дом и я разорюсь совершенно.
К матери против желанья ее пристают неотступно,
Как женихи, сыновья обитателей наших знатнейших,
Прямо к отцу ее в дом обратиться, к Икарию старцу,
Смелости нет в них, – чтоб сам он за дочь свою выкуп
назначил,

Выбрав, кого пожелает и кто ему будет приятней.
Вместо того, ежедневно врываясь в дом наш толпою,
Режут без счета быков, и жирных козлов, и баранов,
Вечно пируют и вина искристые пьют безрасчетно.
Все расхищают они. И нет уже мужа такого
В доме, как был Одиссей, чтобы дом защитить от
проклятья.

Мы ж не такие, чтоб справиться с этим, и даже позднее
Жалкими будем мужами, способными мало к отпору.
О, защитил бы и я, когда бы лишь силу имел я!
Дело творится, какого терпеть уж нельзя! Безобразно
Гибнет мой дом. Неужели самих это вас не приводит
В негодование! Тогда постыдитесь хотя бы соседей,
Окрест живущих! Побойтесь хотя бы богов, чтобы в
гневе

Не обратили на вас же они этих дел недостойных!
Зевсом, владыкой Олимпа, я вас заклинаю, Фемидой,
Что распускает собрания народа и их собирает, –
Милые, вас я молю: перестаньте! И дайте мне горем

В уединении терзаться! Красивопоножным ахейцам
Не причинил ли, враждуя, обиды какой мой родитель,
И за нее вы, враждуя, обиды теперь мне творите,
Этих людей поощряя? Мне было бы лучше, когда бы
Сами поели вы все, что лежит у меня и пасется.
Если бы вы все поели, то скоро пришла б и расплата.
Мы бы по городу стали ходить, приставая к вам с
просьбой

Вещи назад возвратить, пока б вы всего не отдали.
Нынче же сердце вы мне безнадежным терзаете горем!»
В бешенстве так он воскликнул и скипетр бросил на
землю.

Хлынули слезы из глаз. И жалость народ охватила.
Все остальные безмолвно сидели, никто не решался
Дерзко-обидное слово в ответ Телемаху промолвить.
Только один Антиной, ему возражая, воскликнул:
«Что говоришь ты, надутый болтун необузданно буйный,
Что нас порочишь? Желаеть пятном замарать нас
позорным.

Не женихи пред тобою ахейские здесь виноваты, –
Мать виновата твоя, безмерно коварная сердцем!
Третий кончается год и уж скоро наступит четвертый,
Как у ахейцев в груди она дух бесконечно морочит.
Всем надежду дает, обещается каждому порознь,
Вести ему посылает, в уме же желает иное.

Кроме того, против нас и другую придумала хитрость:
Ткань начала она ткать, станок у себя поместивши, –
Тонкую, очень большую и нам объявила при этом:
– Вот что, мои женихи молодые (ведь умер супруг мой),

Не торопите со свадьбой меня, подождите, покамест
Савана я не сотку – пропадет моя иначе пряжа! –
Знатному старцу Лаэрту на случай, коль гибельный
жребий

Скорбь доставляющей смерти неожиданно его здесь
постигнет, –

Чтобы в округе меня не корили ахейские жены,
Что похоронен без савана муж, приобретший так много. –
Так говорила и дух нам отважный в груди убедила.

Что ж оказалось? В течение дня она ткань свою пряла,
Ночью же, факелы возле поставив, опять распускала.
Длился три года обман, и ей доверяли ахейцы.

Но как четвертый приблизился год и часы наступили,
Женщина нам сообщила, которая все это знала.

За распусканием ткани прекрасной ее мы застали.

Волей-неволей тогда ей работу пришлось окончить.

Слушай же! Вот что тебе, Телемах, женихи отвечают,

Чтобы и ты это знал и все остальные ахейцы:

Мать отошли и вели, чтобы шла за того, за кого ей

Выйти прикажет отец и самой ей приятнее выйти.

Если ж ахейских сынов и впредь раздражать она будет,

Гордая теми дарами, какие Паллада Афина

Ей в изобилии дала, – искусством в прекрасных работах,

Разумом светлым и хитрой смекалкой, – такую, которой

Мы и у древних не знаем ахеянок пышноволоосых,

Будь это Тиро, Микена в прекрасном венце иль Алкмена.

Нет, ни одна не смогла б между них с Пенелопой
сравняться

Хитростью! Нынче, однако, ей хитрость ее не поможет.

Будут они поедать и запасы и скот твой, покуда
Станет упорствовать в тех она мыслях, которые в грудь ей
Боги влагают. Себе она этим великую славу
Может добыть, но тебе лишь потери большие доставит.
Мы ж не вернемся к делам и к невестам другим не поедем
Раньше, чем по сердцу мужа она не возьмет средь
ахейцев».

И, возражая ему, Телемах рассудительный молвил:
«Как же бы из дому выгнать я мог, Антиной, против воли
Ту, что меня родила и вскормила! Отец мой далеко,
Жив или умер, – не знаю. Придется немало платить мне
Старцу Икарию, если к нему мою мать отошлю я.
И от отца пострадать мне придется. И грозно оплатит
Мне божество, если вызовет мать моя страшных
эринний,

Дом покидая. К тому ж я и славой покроюсь худою.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова!
Если же это не нравится вам и в гнев вас ввергает, –
Что же! Очистите дом мой! С пирами ж устройтесь иначе:
Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше
У одного человека богатство губить безвозмездно, –
Жрите! А я воззову за поддержкой к богам вечносущим.
Может быть, делу возмездия даст совершиться Кронион!
Все вы погибнете здесь же, и пени за это не будет!»

Так говорил Телемах. Вдруг Зевс протяженно гремящий
Двух орлов ниспослал с высоты, со скалистой вершины.
Мирно сначала летели они по дыханию ветра,
Близко один от другого простерши широкие крылья.

Но, очутившись как раз над собранием многоголосым,
Крыльями вдруг замахали и стали кружить над
собранием,

Головы всех оглядели, увидели общую гибель
И, расцарапав друг другу когтями и щеки и шеи,
Поверху вправо умчались – над городом их, над домами.
Все в изумленье пришли, увидевши птиц над собою,
И про себя размышляли, – чем все это кончиться может?
Вдруг обратился к ним с речью старик Алиферс
благородный,

Масторов сын. Средь ровесников он лишь один
выдавался

Знанием всяческих птиц и вещею речью своею.

Он, благомыслия полный, сказал пред собранием
ахейцев:

«Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!
Больше всего к женихам обращаюсь я с речью моею.
Беды великие мчатся на них. Одиссей уж недолго
Будет вдали от друзей. Он где-то совсем недалеко!
Смерть и убийство растит он для всех женихов
Пенелопы!

Плохо также придется и многим из нас, кто живет здесь,
На издалека заметной Итаке. Подумаем лучше,
Как женихов поскорей обуздать нам. Пускай перестали б
Лучше уж сами, – гораздо для них это было б полезней.
Не новичок я в гаданьях и дело свое понимаю.

И с Одиссеем, смотрите, вполне все свершается точно,
Как предсказал я в то время, когда собирались ахейцы
Выступить в Троию и с ними пошел Одиссей

многохитрый.

Вынеся множество бедствий, товарищей всех потерявши,

Всем незнакомый, домой на двадцатом году он вернется, —

Так говорил я, и все это точно свершается нынче!»

Сын Полиба ему, Евримах, возражая, ответил:

«Было бы лучше, старик, когда б ты домой воротился
И для ребят погадал, чтобы с ними чего не случилось!

В этом же деле получше тебя погадать я сумею.

Мало ли видим мы птиц, под ярким летающих солнцем.

Вовсе не все предвещают из них что-нибудь. Одиссей же

В крае далеком погиб. Хорошо бы, когда бы с ним вместе

Гибель взяла и тебя! Прекратил бы свои ты вещанья,

Не подстрекал бы и так раздраженного всем Телемаха.

Верно, подарок в свой дом получить от него ты желаешь!

Но говорю я тебе, и слова мои сбудутся точно:

Если ты, с опытом долгим своим и богатым,
враждебность

Глупой своей болтовнею поддерживать в юноше станешь,

Прежде всего и ему от этого будет лишь хуже,

Ибо совсем ничего против нас он поделать не сможет.

А на тебя мы, старик, жесточайшую пеню наложим.

Выплатить будет ее нелегко и для сердца печально.

А Телемаху пред всеми, кто здесь, предложил бы я вот
что:

Матери пусть он прикажет к отцу своему возвратиться;

Тот же пусть свадьбу готовит, приданое давши большое,

Сколько его получить полагается дочери милой.

Раньше, вполне убежден я, ахейцев сыны не отстанут
С тяжким своим сватовством. Никого мы из вас не
боимся, –

Ни самого Телемаха, как много бы слов он ни сыпал, –
Ни о вещаньях твоих не печалимся. Все они вздорны!
Ими, старик, только больше вражду ты к себе
возбуждаешь.

Будет по-прежнему здесь все добро поедаться, и платы
Им не дожидаться, покамест ахейцам согласие на свадьбу
Ею не будет дано. Ведь сколько уж времени здесь мы
Ждем, за нее соревнуясь друг с другом. А время
проходит,

Новых себе мы не ищем невест для приличного брака».
И сыну Полиба в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Я, Евримах, ни тебя, ни других женихов благородных
Ни уговаривать, ни умолять уже больше не стану.

Все ведь известно богам, а также известно ахейцам.
Дайте лишь быстрый корабль мне и двадцать товарищей,
с кем бы

Всю дорогу проделать я мог и туда и обратно.

Я собираюсь в Спарту поехать и в Пилос песчаный,
Там об отце поразведать исчезнувшем. Верно, из
смертных

Кто-либо сможет о нем мне сказать иль Молва сообщит
мне

Зевсова – больше всего она людям известий приносит.
Если услышу, что жив мой отец, что домой он вернется,
Буду я ждать его год, терпеливо снося притеснения.
Если ж услышу, что мертв он, что нет его больше на свете,

То, возвратившись обратно в отцовскую милую землю,
В честь его холм я насыплю могильный, как следует
справив

Чин похоронный по нем, и в замужество мать мою
выдам».

Так произнес он и сел. И встал пред собранием ахейцев
Ментор. Товарищем был безупречного он Одиссея.

Тот, на судах уезжая, весь дом ему вверил, велевши
Слушать во всем старика и дом охранять поусердней.
Добрых намерений полный, к собранью он так обратился:
«Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!
Мягким, благим и приветливым быть уж вперед ни
единый

Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца
изгнавши,

Каждый пускай притесняет людей и творит беззаконья,
Если никто Одиссея не помнит в народе, которым
Он управлял и с которым был добр, как отец с
сыновьями.

Я не хочу упрекать женихов необузданно дерзких
В том, что, коварствуя сердцем, они совершают насилие:
Сами своей головою играют они, разоряя
Дом Одиссея, решивши, что он уж назад не вернется.
Но вот на вас, остальных, от всего негодую я сердца:
Все вы сидите, молчите и твердым не смеее словом
Их обуздать. А вас ведь так много, а их так немного!»

Евекторид Леокрит, ему возражая, воскликнул:
«Ментор, упрямый безумец! Так вот к чему дело ты
клонишь!

Хочешь народом смирить нас! Но было бы трудно и многим

Всех нас заставить насильно от наших пиров отказаться!

Если бы даже и сам Одиссей-итакиец вернулся

И пожелал бы отсюда изгнать женихов благородных,

В доме пространном его за пиршеством пышным
сидящих,

Было б его возвращенье супруге его не на радость,

Как бы по нем ни томилась. Погиб бы он смертью
позорной,

Если б со многими вздумал померяться. Вздор говоришь
ты!

Ты же, народ, расходишь! К своим возвращайся работам!

Этого в путь снарядить пускай поторопятся Ментор

И Алиферс – Одиссею товарищи давние оба.

Думаю, долго, однако, он вести выслушивать будет,

Сидя в Итаке. Пути своего никогда не свершит он!»

Так сказав, распустил он собрание быстро ахейцев,

И по жилищам своим разошелся народ из собрания.

А женихи возвратились обратно в дом Одиссея.

Вдаль ушел Телемах по песчаному берегу моря,

Руки седою водою омыл и взмолился к Афине:

«Ты, посетившая дом наш вчера и в туманное море

Мне в корабле быстроходном велевшая плыть, чтоб
разведать,

Нет ли вестей о давно уж ушедшем отце моем милым

И об его возвращеньи! Мешают мне в этом ахейцы,

Боле ж всего – женихи в нахальстве своем
беспрдельном».

Так говорил он молясь. Вдруг пред ним появилась
Афина,

Ментора образ приняв, с ним схожая видом и речью,
И со словами к нему окрыленными так обратилась:

«Также и впредь, Телемах, не будь неразумным и слабым,
Раз благородная сила отца излита тебе в сердце –
Сила, с какой он всего добивался и словом и делом.

Станет тогда и тебе твой отъезд исполним и возможен.

Если же ты Одиссею не сын и не сын Пенелопе,
Думаю, вряд ли удастся тебе совершить, что желаешь.

Редко бывает с детьми, чтоб они на отца походили, –
Большую частью хуже отца, лишь немногие лучше.

Если ж и впредь не останешься ты неразумным и слабым,
Если тебя не совсем Одиссеева кинула сметка,

Дело исполнить свое вполне ты надеяться можешь.

О женихах неразумных, об их замышленьях и кознях
Брось теперь думать: ни разума нет в этих людях, ни
правды.

Нет и предчувствия в сердце, что близко стоят перед
ними

Черная Кера и смерть, что в один они день все погибнут.
Путь же совсем недалек, которого так ты желаешь.

Вот какой я товарищ тебе по отцу: раздобуду
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.

Ты же теперь воротись к женихам. А тебе на дорогу
Пусть заготовят припасы, пусть ими наполнят сосуды.

В амфоры сладкого скажешь вина нацедить вам, муку же
Ячную – мозг человека – в мешки пусть положат из кожи.

Я добровольцев пока наберу средь народа. Судов же

В морем объятай Итаке немало и новых и старых.
Я между ними корабль пригляжу, который получше,
Быстро его снарядим и выйдем в широкое море».
Так сказала Афина, Зевесова дочь. И недолго
Ждать Телемах оставался, услышавши голос богини.
Милым печалуясь сердцем, поспешно направился к
дому.

Там женихов он застал горделивых: в зале столовой
Коз обдирали одни, боровов во дворе обжигали другие.
Встал Антиной, засмеялся, навстречу пошел Телемаху,
Взял его за руку, слово сказал и по имени назвал:
«Эх, Телемах, необузданно буйный и гордоречивый!
Брось ты заботу о том, чтоб вредить нам и делом и
словом!

Лучше садись-ка ты есть к нам и пить, как бывало когда-
то.

Все же, что нужно тебе, приготовят охотно ахейцы –
Быстрый корабль и отборных гребцов, чтоб скорей ты
приехал

В Пилос священный и слухи собрал об отце
многославном».

Сыну Евпейта в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Нет, Антиной, никак не могу я при наглости вашей
В пире участие принять со спокойным и радостным
духом.

Иль не довольно, что раньше, когда еще мальчиком был
я,

Вы, женихи, богатства ценнейшие наши пожрали?
Нынче, как стал я большим и, советников слушая умных,

Много узнал, и в груди моей мужества стало побольше,
Кер постараюсь зловещих на головы ваши наслать я, —
Или, отправившись в Пилос, иль здесь же, на острове
этом.

Еду — и сделаю путь, о котором я здесь говорю вам;
Еду в чужом корабле, ибо сам ни гребцов не имею,
Ни корабля своего: вам выгодней так показалось!»
Молвил и руку свою из руки Антиноевой вырвал
Очень легко. Женихи между тем пировать продолжали.
Над Телемахом глумились они и шутили словами.
Так говорил не один из юношей этих надменных:
«Эй, берегитесь! На нас Телемах замышляет убийство!
Иль он кого привезет из песчаного Пилоса в помощь,
Или, быть может, из Спарты. Ведь рвется туда он ужасно!
Или в Эфиру поехать собирается, в край плодородный,
Чтобы оттуда привезть для жизни смертельного яду,
Бросить в кратеры его и разом нас всех уничтожить».
Так и другой говорил из юношей этих надменных:
«Знает ли кто? Ведь возможно, и он в корабле изогнутом,
Как Одиссей, вдалеке от домашних погибнет, блуждая!
Этим немало и нам он доставит хлопот. Ведь придется
Все достоянье его тогда разделить между нами,
Матери ж с будущим мужем владеть предоставим мы
домом».

Так говорили. Меж тем Телемах в кладовую спустился
С кровлей высокой, большую, в которой хранилися кучи
Золота, меду, одежда в ларях, благовонное масло.
Там же в порядке вдоль стен одна за другою стояли
Бочки из глины со сладким вином многолетним —

напитком

Чистым, божественным; он сохранялся на случай, когда бы

Все же вернулся домой Одиссей, хоть и много страдавши. Дверью двустворчатой, прочно прилаженной, вход запирался.

Ключница в той кладовой и ночи и дни находилась, Все охраняя запасы с великим усердьем и знаньем, — Опа, сына Пенсенора дочь, Евриклея старушка.

К ней Телемах обратился, позвавши ее в кладовую: «Амфоры сладким вином наполни мне, няня, — вкуснейшим

После того дорогого, которое здесь бережешь ты, Помня о нем, о несчастном, в надежде, что, может быть, в дом свой

Снова вернется отец, ускользнувши от Кер и от смерти. Амфор наполни двенадцать и крышками сверху покрой их.

Кожаных плотных мешков приготовивши, ты их наполнишь,

Двадцать отмеривши мер, размолотой яичной мукою. Знай об этом одна! Заготовишь припасы и в кучу Все их поставишь, а вечером я заберу их, когда уж Мать поднимется в верхний покой свой, о сне помышляя. В Спарту я ехать собираюсь и в Пилос песчаный — разведать,

Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи».

Так он сказал. Евриклея кормилица громко завывала И огорченно к нему обратилась со словом крылатым:

«Как могла у тебя в голове эта мысль появиться,
Милый сынок мой! Ну как ты – любимый,
единственный – как ты

Пустишься в дальние земли? Погиб уж вдали от отчизны
Богорожденный отец твой, в краю, для него незнакомом.
Эти ж, едва ты уедешь, коварное дело замыслят,
Хитростью сгубят тебя и все меж собой здесь поделят.
Милый, останься же здесь, со своими! Зачем тебе надо
Всякие беды терпеть, беспокойным скитаясь морем?»
Так, Евриклее в ответ, Телемах рассудительный молвил:
«Няня, не бойся! Решение такое мое не без бога.

Но поклянись мне, что матери ты ничего не расскажешь
Раньше, чем минет одиннадцать дней иль двенадцать с
отъездом,

Или не спросит сама, иль другие об этом не скажут.
Как бы, боюсь я, от слез красота у нее не поблекла».

Клятвой великой богов старуха тогда поклялася.

После того как она поклялась и окончила клятву,
В амфоры сладкого тотчас вина налила и в мешках им
Кожаных, сшитых надежно, муки заготовила ячной.

А Телемах к женихам пировавшим вернулся обратно.

Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине.

Образ приняв Телемаха, пошла обходить она город;
Остановившись пред мужем, к нему обращалась с
просьбой,

Чтобы на быстрый корабль они вечером все собрались.
С просьбой потом к Ноемону, блестящему Фрония сыну,
О корабле обратилась. Охотно он ей предоставил.
Солнце меж тем опустилось, и тенью покрылись дороги.

На море быстрый корабль спустила богиня и снасти
Все уложила в него, какие для плаванья нужны.
После поставила судно при выходе самом из бухты.
Все уж товарищи к судну сошлись, приглашенные ею.
Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине:
Быстро направилась в дом Одиссея, подобного богу,
Сладостный сон излила на глаза женихам пировавшим,
Ум помутила у них, из рук у них выбила кубки.
В город отправились все они спать и в постелях лежали
Очень недолго, как сладкий им сон уже пал на ресницы.
Вызвала после того Телемаха из комнат прекрасных
Дочь совоокая Зевса и с речью к нему обратилась,
Ментора образ приняв, с ним сходствуя видом и речью:
«Друг, уж товарищи прочнопоножные сели за весла
И ждут, скоро ль ты двинуться в путь соберешься.
Живо идем и не будем задерживать долго отъезда!»
Кончив, пошла впереди Телемаха Паллада Афина,
Быстро шагая. А следом за нею и сын Одиссеев.
К морю и к ждавшему их кораблю подошли они вскоре.
На берегу там нашли уж товарищей длинноволосых.
И обратилась к ним Телемаха священная сила:
«Ну-ка, друзья, принесемте припасы! Они уже дома
Все заготовлены. Мать ничего об отъезде не знает,
Так же другие служанки; одна только слышала тайну».
Так он сказал и пошел, а следом за ним и другие.
В доме забравши припасы, в корабль прочнопалубный
быстро
Все их они уложили, как сын Одиссеев велел им.
Сам Телемах поднялся на корабль за Афиною следом;

На корабельной корме она села, а возле богини
Сел Телемах. Отвязали причалы товарищи, быстро
Сами взошли на корабль чернобокий и сели за весла.
Благоприятный им ветер послала Паллада Афина:
По винно-чермному морю Зефир зашумел
быстровеинный.

Тут Телемах, ободря товарищей, им приспособить
Снасти велел, и они приказанью его подчинились.
Мачту еловую разом подняли, внутри утвердили
В прочном гнезде и ее привязали канатами к носу.
Белый потом натянули ремнями плетеными парус.
Парус в середине надулся от ветра, и яро вскипели
Воды пурпурного моря под носом идущего судна;
С волн высоких оно заскользило, свой путь совершая.
На корабле чернобоком они паруса закрепили,
После налили вином кратеры до самого края
И совершать возлияния стали богам вечносущим,
Больше же всех остальных – совоокой Афине богине.
Быстро всю ночь и все утро бежал их корабль
чернобокий.

Песнь третья

Яркое солнце, покинув прекрасный залив, поднялося
На многомедное небо, чтоб свет свой на тучную землю
Лить для бессмертных богов и людей, порожденных для
смерти.

Путники в Пилос, богато отстроенный город Нелея,
Прибыли. Резали черных быков там у моря пилосцы
Черноволосому богу, Земли Колебателю, в жертву.
Девять было разделов, пятьсот сидений на каждом,
Было по девять быков пред сидевшими в каждом разделе.
Потрох вкушали они, для бога же бедра сжигали.
Путники в пристань вошли, паруса на судне равнобоком
Вверх подтянули, судно закрепили и вышли на землю.
И Телемах за Афиною следом спустился на берег.
Первой богиня Паллада Афина к нему обратилась:
«Робость отбрось, Телемах, отбрось ты ее совершенно!
Не для отца ли и по морю путь ты свершил, чтоб
разведать,

Где его скрыла земля и какою судьбой он постигнут.
К Нестору прямо направься, коней укротителю быстрых,
Чтобы узнать нам, какие он мысли в груди сберегает.
Сам обратись к нему с просьбой, чтоб всю сообщил тебе
правду.

Лгать он не станет тебе – он для этого слишком разумен».
Тотчас Афине в ответ Телемах рассудительный молвил:

«Ментор, ну как я пойду? Ну как я с ним буду держаться? Опыта в умных речах имею я очень немного.

Да и боюсь я, – ну как молодому расспрашивать старших!»

И отвечала ему совоокая дева Афина:

«Многое сам, Телемах, в своем ты придумаешь сердце, Многое бог в тебя вложит. Не против же воли бессмертных,

Как полагаю я, был ты на свет порожден и воспитан!»

Кончив, пошла впереди Телемаха Паллада Афина, Быстро шагая; за нею же следом и сын Одиссеев.

К месту тому подошли, где, собравшись, сидели пилосцы.

Там и Нестор сидел с сыновьями. Товарищи там же

Жарили к пиршеству мясо, проткнувши его вертелами.

Как увидали они чужестранцев, толпою навстречу

Бросились к ним, пожимали им руки и сесть пригласили.

Первым Несторов сын Писистрат, подошедши к ним близко,

За руки путников взял и на мягкие шкуры овечьи

Их усадил на морском берегу для участия в пире

Между отцом стариком и братом своим Фрасимедом.

Дал по куску потрохов им и налил вина в золотую

Чашу; потом обратился с такими словами привета

К дочери Зевса-эгидодержавца, Палладе Афине:

«О чужестранец! Теперь помолись Посейдону-владыке:

Пир его жертвенный вы застаете, сюда к нам приехав.

После того как свершишь возлиянье с молитвой, как должно,

Чашу с вином медосладким и этому дай, чтобы мог он

Также свершить возлиянье. И он, полагая, бессмертным
Молится: все ведь в богах нуждаются смертные люди.
Он же моложе тебя и как будто со мною ровесник.
Вот почему тебе первому дам золотую я чашу».
Молвил и чашу со сладким вином ей вручил золотую.
Радость Афине доставил разумный тот муж
справедливый

Тем, что сначала он ей ту чашу поднес золотую.
Громко молиться она начала Посейдону-владыке:
«Царь Посейдон-земледержец, внимли, не отвергни
молитвы

Нашей, исполни все то, о чем мы моление возносим!
Нестору прежде всего с сыновьями пошли процветанье;
Пусть от тебя воздаянье достойное также получат
За гекатомбу тебе и все остальные пилосцы.
Дай мне потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы сюда в корабле чернобоком приплыли!»
Так помолившись, сама возлиянье богиня свершила,
Кубок двуручный прекрасный потом отдала Телемаху.
В свой помолился черед и сын дорогой Одиссея.
Мясо тем временем было готово и с вертелов снято.
Все, свою часть получив, блистательный пир пировали.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним
речью:

«Вот теперь нам приличней спросить чужеземцев,
разведать,
Кто они, – после того, как едою они насладились.
Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?

Едете ль вы по делам иль блуждаете в море без цели,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своей и беды неся чужеземцам?»
Вдруг осмелевши, ему Телемах рассудительный
молвил, —
В грудь ему смелость вложила богиня Паллада Афина,
Чтоб расспросить старика о родителе смог он
пропавшем,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава:
«Нестор, рожденный Нелеем, великая слава ахейцев!
Знать ты желаешь, откуда и кто мы. Тебе я отвечу.
Прибыли мы из Итаки, лежащей под склоном Нейона.
То же, о чем я скажу, — не народное, частное дело.
Выехал я поискать, не узнаю ли что про отца я,
Стойкого в бедах царя Одиссея, который, по слухам,
Вместе с тобою под Троей сражался и город разрушил.
Об остальных обо всех, кто с троянцами бился, мы знаем,
Где и кого между ними жестокая гибель постигла.
Здесь же и гибель его неизвестною сделал Кронион!
Точно никто не умеет сказать, где конец свой нашел он.
Где-нибудь был ли убит лихими врагами на суше
Или же на море гибель обрел середь волн Амфитриты.
Вот почему я сегодня к коленям твоим припадаю, —
Не пожелаешь ли ты про погибель его рассказать мне,
Если что видел своими глазами иль слышал рассказы
Странника. Матерью был он рожден на великое горе.
Ты ж не смягчай ничего, не жалея и со мной не считайся,
Точно мне все сообщи, что увидеть тебе довелось.
Если когда мой отец, Одиссей благородный, — словами ль,

Делом ли что совершил, обещанье свое исполняя,
В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы,
страдали, –

Вспомни об этом, молю, и полную правду скажи мне».

Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:
«Друг, о страданиях ты мне напомнил, какие тогда мы, –
Неукротимые в силе ахейцы, – в краю том терпели,
Частью, когда на судах, предводимые сыном Пелея,
Мы за добычей по мгlisto-туманному морю носились,
Частью, когда пред великой Приамовой Троей с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали.
Там Аякс многомогущий лежит, лежит Ахиллес там,
Там же Патрокл, как советчик бессмертному богу
подобный,

Там же мой сын дорогой Антилох, безупречный и
сильный,

Больше блиставший всего, как боец и бегун быстроногий.
Кроме того, мы немало и бедствий других претерпели, –
Кто из людей земнородных про все рассказать тебе смог
бы?

Если бы пять. даже лет, даже шесть ты у нас оставался,
Чтоб расспросить, сколько бед мы, ахейцы, тогда
претерпели, –

Раньше б ты в землю вернулся родную, наскучив
рассказом.

Девять трудились мы лет, чтобы их погубить, вымышляя
Хитростей много. Насилу Кронид нам послал окончанье.
Разумом острым не мог никогда потягаться открыто
Кто-либо там с Одиссеем божественным. В выдумке

всяких

Хитростей всех побеждал неизменно родитель твой, если
Подлинно сын ты его. На тебя я смотрю с изумленьем:
С ним и речами ты сходишь, и кто бы подумал, чтоб было
Юноше можно настолько с ним сходствовать умною
речью!

Мы никогда с Одиссеем божественным ни на совете,
Ни на собраньи народном различного не были мненья.
С единоюдушьем полным и в мыслях и в добрых советах
Мы лишь того домогались, что было ахейцам полезней.
После того же как взяли мы город высокий Приама
(В море ушли на судах, и бог раскидал всех ахейцев),
Бедственный в сердце своем замыслил возврат аргивянам
Зевс-промыслитель за то, что не все они были разумны
И справедливы. Нашли себе многие жребий печальный,
Гибельный гнев возбудив Совеокой, Могучеотцовой.
Жаркую распрю она разожгла меж сынами Атрея.
Всех аргивян на собранье народное оба созвали, —
Не по обычаю, глупо, когда уже солнце садилось.
И собрались ахейцы, вином отягченные, к месту.
Начали те говорить, для чего на собранье созвали.
Требовал царь Менелай, чтобы вспомнили тотчас ахейцы
О возвращеньи домой по хребту широчайшего моря.
Но Агамемнону это не по сердцу было, хотел он
Весь народ задержать и святые свершить гекатомбы,
Чтоб исцелить у Афины рассерженной гнев ее страшный.
Глупый! Не знал он того, что ее уж склонить не удастся:
Вечные боги не так-то легко изменяют решенья!
Так они оба стояли, один обращаясь к другому

С речью обидной. Ахейцы красивопоножные с места
С криком ужасным вскочили, на два разделившись
мнения.

Ночь провели мы, питая враждебные друг против друга
Чувства: уже нам готовил великие беды Кронион.

Утром одни совлекли корабли на священное море,
В них нагрузивши богатства и жен, подпоясанных низко.

А половина народа, отплыть не желая, осталась
С сыном Атрея, царем Агамемноном, пастырем войска.

Мы, половина другая, отплыли. Помчались быстро:
Бог перед нами разгладил глубоко-пучинное море.

Скоро пришли в Тенедос. Порываясь всем сердцем в
отчизну,

Жертву богам принесли. Но еще не решил нам возврата
Зевс непреклонный; вторично вражду он разжег между
нами.

Кто с Одиссеем-владыкою был, многоумным и хитрым,
Те на двухвостых судах, повернувши обратно, поплыли
И к Агамемнону снова вернулись, ему угождая.

Я же со всеми своими судами вперед устремился,
Видя, что нам божество великие беды готовит.

Храбрый отплыл и Тидид и товарищей к бегству
подвигнул.

Несколько позже к нам также пристал Менелай
русокудрый.

В Лесбосе он нас нагнал, переход обсуждавших далекий:
Плыть ли нам выше хиосских заливов и мысов скалистых
К Псире, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса, мимо проплывши Миманта, открытого ветрам.

Бога мы попросили, чтоб знаменье дал нам. Дорогу
Он указал и велел середину нам моря прорезать
Прямо к Евбее, чтоб прочь от беды убежать поскорее.
Ветер попутный со свистом задул. Корабли наши быстро
Рыбообильной дорогой морской пронеслись и к Гересту
Прибыли темною ночью. Отмерив великое море,
Множество бедер быков принесли Посейдону мы в
жертву.

День был четвертый, когда привели равнобокие судна
Люди Тидеева сына, коней укротителя быстрых,
В Аргос. Тем временем в Пилос я плыл, и ни разу не
стихнул

Ветер попутный, с начала нам самого посланный богом.
Так, милый сын, я приехал и знаю, как видишь, немного,
Кто из ахейцев погиб и кто из них счастливо спасся.
Что ж от других я узнал, под кровлею нашею сидя,
Все это вправе ты знать; от тебя ничего я не скрою.
Счастливо, слышно, домой мирмидонцев своих
копьеборных

Вывел блистательный сын Ахиллеса, великого духом.
Счастливо прибыл к себе Филоктет Поянтид
знаменитый.

В Крит воротился со всем уцелевшим в сражениях
войском

Идомений: у него никого не похитило море.

А про Атрида уж сами вдали у себя вы слышали,
Как он вернулся, как злую Эгист ему гибель подстроил.
Но за свое преступление и тот поплатился жестоко.
Вот как полезно, когда погибающий муж оставляет

Сына! Отмстил за него он коварному отцеубийце,
Злому Эгисту, которым убит был отец его славный.
Вижу, мой друг, что и ты и ростом велик и прекрасен.
Будь же отважен, чтоб слава твоя и в потомстве не
сгибла».

Нестору старцу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Нестор, рожденный Нелеем, великая слава ахейцев!

Да, отомстил он Эгисту ужасно. Ахейцы широко
Славу о нем разнесут и песни оставят потомкам.

О, если б боги меня такую же силой одели,
Чтоб отомстил я за боль приносящую наглость, с какою
Злые дела надо мною творят женихи нечестиво!

Счастья такого, однако, бессмертные мне не судили, –
Мне и отцу моему. И приходится только терпеть мне».

Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:
«Раз уже, друг, ты об этом завел разговор и напомнил,
Много ваш дом женихов, я слышал, посещают незвано,
Матери ради твоей, и худые дела совершают.

Вот что скажи: добровольно ль ты им поддался иль в
народе

Все ненавидят и гонят тебя по внушению бога?

Знает ли кто, – ведь, возможно, вернется отец твой и
страшно

Им отомстит за насилья, – один ли, созвав ли ахейцев.

О, если б так же любить и тебя пожелала Афина,

Как окружила она Одиссея своею заботой

В дальнем троянском краю, где так мы, ахейцы, страдали,

Я не видал, чтобы боги кого так открыто любили,

Как Одиссею открыто всегда помогала Афина.

Если б любить и хранить и тебя она так пожелала,
Многие даже и думать из них позабыли б о браке».
Нестору старцу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Старец, не думаю я, чтобы слово такое свершилось.
Слишком велико, о чем говоришь ты. Берет меня ужас.
Так не случится со мной, пожелай даже этого боги».
И отвечала ему совоокая дева Афина:
«Что за слова у тебя сквозь ограду зубов излетели!
Богу спасти нас нетрудно и издали, если захочет.
Я предпочел бы скорее и множество вытерпеть бедствий,
Но воротиться домой и день возвращения увидеть,
Чем, воротившись к себе, при своем очаге же погибнуть,
Как Агамемнон погиб коварством жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от смерти, для всех неизбежной,
Даже и милого мужа спасти, если гибельный жребий
Скорбь доставляющей смерти того человека постигнет».
Тотчас Афине в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Горько нам, Ментор, но все ж говорить перестанем об этом.
Нет никакой нам надежды, чтоб он воротился обратно.
Смерть и черную Керу уж боги ему присудили.
Нынче с вопросом другим хотелось бы мне обратиться
К Нестору, ибо меж всех справедлив он и мудр наиболее.
Трех поколений людских, говорят, повелителем был он.
Если глядишь на него, пред тобою как будто
бессмертный!
Полную правду скажи мне, о Нестор, Нелеем рожденный,
Как погиб Атреид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какую гибель придумал

Для Агамемнона хитрый Эгист? Ведь тот был сильнее!
Или еще не в ахейском он Аргосе был, а скитался
Между чужими и этим отважил того на убийство?»
Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:
«Правду полнейшую, сын дорогой мой, тебе сообщу я.
Все бы как раз и случилось, как сам ты себе уж
представил,
Если б Эгиста живого застал, возвращаясь из Трои,
В братнином царском дворце Атреид Менелай
русокудрый.
Нет, не могильный бы холм был насыпан тогда над
умершим,
В поле вне города он бы лежал, и пожрали бы тело
Хищные птицы и псы, и никто бы из женщин ахейских
Смерти его не оплакал. Задумал большое он дело:
Мы далеко под стенами троянскими бились с врагами,
Он же, спокойно внутри многоконного Аргоса сидя,
Речью опутывал сладкой жены Агамемнона сердце.
На недостойное дело, однако, сперва Клитемнестра
Не захотела пойти: порочных в ней не было мыслей.
Возле нее и певец находился, которому строго,
В Трою идя, приказал Агамемнон смотреть за супругой.
Воля, однако, богов, опутав, ее покорила.
Был тут Эгистом певец тот отправлен на остров
пустынный,
Где и оставлен. И труп его хищные птицы склевали.
Он, желавший, привел царицу желавшую в дом свой.
Много бедер он сжег на святых алтарях пред богами,
Много развешал даров – сосудов из золота, тканей,

Дело такое большое с неожиданным окончив успехом.
Мы же, отъехав от Трои, одною дорогою плыли,
Я с Менелаем, друг с другом скрепленные дружбой.
Когда ж мы

Мимо афинского мыса, священного Суния, плыли,
Там Менелаева кормчего Феб Аполлон дальнострельный
Нежной стрелою своей умертвил, подошедши в то время,
Как у руля он стоял, кораблем управляя бегущим, –
Фронтия Онеторида; меж всех он людей наилучше
Мог кораблем управлять, когда разбушуется буря.
Там Менелай, хоть и очень в дорогу спешил, задержался,
Чтоб погребенью предать товарища с полным почетом.
После того как и он в винно-чермное выехал море
В полых своих кораблях и высокого мыса Малей
Быстро достиг, приготовил ужаснейший путь ему дальше
Зевс протяженно гремющий: направил дыханье
свистящих

Ветров и волны тяжелые вздыбил, большие, как горы.
Там, разделив корабли, одни из них к Криту погнал он,
Где возле струй Иардана-реки обитали киконы.
Есть над водою стоящий утес, высокий и гладкий,
На море мглисто-туманном, у крайних пределов
Гортины.

Нот на левый там выступ бросает огромные волны
К Фесту. Но камень тот малый большую волну отражает.
Там очутились они, и погибели еле избегли
Люди, а все корабли о подводные камни разбиты
Были волнами. Другие же пять кораблей синеносых
К самому пригнаны были Египту водою и ветром.

Много в стране той добра собирая и золота, долго
Странствовал там Менелай с кораблями средь чуждых
народов.

Дома ж Эгист в это время злодейство свое и затеял.

Семь он властвовал лет над златообильной Микеной

После убийства царя, и народ покорялся Эгисту.

В год же восьмой из Афин воротился, на горе злодею,

Богopodobный Орест и коварного отцеубийцу,

Кем был убит его славный отец, умертвил беспощадно.

После того поминальный обед он устроил ахейцам

В память матери страшной и жалкого труса Эгиста.

В этот же день Менелай воротился могучеголосый,

Столько сокровищ везя, сколько их в кораблях
уместилось.

Ты же недолго, мой друг, в отдалении от родины
странствуй,

Дома ты бросил имущество все и людей, бесконечно

Наглых. Сожрут, берегись, они все у тебя достоянье,

И бесполезным окажется путь, совершенный тобою.

Но к Менелаю тебе я советую, требую съездить.

Он лишь недавно вернулся домой от людей, от которых

Муж ни один не посмел бы надеяться в дом свой
вернуться,

Раз уж его занесло ураганом свирепым в то море, –

Море такое большое, что к нам даже птицы оттуда

В год прилететь не смогли бы, – так страшно оно и
огромно.

На корабле поезжай – и ты и товарищи – морем,

Если же хочешь, то сушей; к услугам твоим колесница,

Также мои сыновья. Они проведут тебя смогут
В Лакедемон многославный, где царь Менелай
русокудрый.

Сам обратись к нему с просьбой, чтоб всю сообщил тебе
правду.

Лгать он не станет тебе – он для этого слишком разумен».
Так он сказал. А уж солнце спустилось, и тьма наступила.
Заговорила тогда совоокая дева Афина:

«Старец, про все говорил ты вполне справедливо и верно.
Режьте, однако, быкам языки и вина намешайте,
Чтоб Посейдону и прочим бессмертным свершить
возлиянье.

После того б о постелях подумать могли мы. Пора уж!
Свет опустился во мрак, на пире богов оставаться
Не подобает так долго, и время нам всем расходиться».
Так говорила она, и все ее голосу вняли.

Тотчас на руки всем им глашатаи полили воду,
Юноши, вливши в кратеры напиток до самого верху,
Чашами всех обнесли, возлиянье свершая из каждой.
Бросив в огонь языки, поднялись, возлиянье свершили,
А совершивши и выпив, как духу их пожелалось,
Встала Афина и встал Телемах, на бессмертных похожий,
Чтобы обратно к себе идти на корабль изогнутый.

Нестор их удержал, обратясь к ним с такими словами:
«Да не допустят ни Зевс, ни другие бессмертные боги,
Чтоб от меня ночевать вы на быстрый корабль удалились,
Словно бы я у себя – полнейший бедняк, оборванец,
Словно бы мало в дому у меня одеял и подушек,
Чтобы и мне самому и гостям моим спать было мягко.

Нет, одеял и прекрасных подушек найдется довольно!
Милый сын человека подобного, сын Одиссея,
Спать не пойдет на помост корабельный, покуда и сам я
Жив и пока в моем доме мои сыновья остаются,
Чтобы гостей принимать, в жилище мое приходящих».
И отвечала ему совоокая дева Афина:
«Милый старик, справедливо все это сказал ты, и должен
Так Телемах поступить, и будет прекраснее это.
Пусть за тобою теперь он последует, пусть себе в доме
Спать остается. Но сам я на черный корабль наш
направлюсь
Распоряженья отдать, успокоить товарищей наших.
Я похвалиться могу, что один лишь меж нами я старший.
Прочие все – молодежь, по дружбе отправились в путь с
ним,
Сверстники все по летам Телемаху, высокому духом.
При корабле нашем черном я б там ночевать и остался
Нынче. А утром в страну я отправлюсь отважных
кавконов.
Нужно мне долг получить там, старинный и очень
немалый.
Ты ж Телемаха, уж раз тебя в доме твоём посетил он,
Дальше отправь в колеснице и с сыном. Запрячь в
колесницу
Коней вели побыстрее на ходу, повыносливей силой».
Так сказав, отошла совоокая дева Афина,
Образ принявши морского орла. Ужаснулись пилосцы.
Нестор старик, увидавши глазами, пришел в изумленье,
Руку взял Телемаха, по имени назвал и молвил:

«Виджу я, милый, что ты не худой человек, не ничтожный,
Если тебе, молодому такому, сопутствуют боги.
Был это здесь не иной из богов, на Олимпе живущих,
Как многославная дочь Эгиохова Тритогеня,
Так же отца твоего отличавшая между ахейцев.
Будь благосклонна, Афина, ко мне и хорошую славу
Дай мне, и детям моим, и чести достойной супруге!
Широколобую в жертву тебе годовалую телку
Я принесу, под ярмом не бывавшую в жизни ни разу.
Позолотив ей рога, я тебе принесу ее в жертву».
Так говорил он молясь. И его услышала Афина.
Кончив, пошел во главе сыновей и зятьев своих Нестор,
Славный наездник геренский, в красиво построенный
дом свой.
После того же как в Несторов дом достославный
вступили,
Все по порядку они разместились на креслах и стульях.
Старец тогда намешал в кратере вино для прибывших.
Сладкое это вино, десять лет уж стоявшее в бочке,
Ключница только что вскрыла, раскутав и снявши
покрышку.
Это вино замешал он в кратере и долго молился
Дочери Зевса Афине, творя возлиянья. Свершили
Их и другие; и, выпив, как духу их пожелалось,
Все поднялись и для сна по жилищам своим разошлись.
В доме, однако, своем ночевать Телемаха оставил
Нестор, наездник геренский, пилосских мужей
повелитель,
Под колоннадою гулко звучащей в сверленной кровати.

Рядом лег Писистрат, властитель мужей, копьеборец,
Бывший еще неженатым средь братьев в отцовских
чертогах.

Нестор во внутренней спальне высокого дома улегся,
Где с госпожою супругой делил и кровать и постель он.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Нестор-владыка, наездник геренский, поднявшись с
постели,

Из дому вышел и сел на гладко отесанных камнях,
Возле порога высоких дверей его дома стоявших, —
Белых, до яркого блеска лощеных, больших, на которых
Сиживал прежде Нелей, по разумности схожий с
бессмертным.

Керой, однако, смиренный, уж в царство Аида сошел он.
Нестор геренский, защита ахейцев, теперь там уселся.
Жезл в руках он держал. Вкруг него собралися толпою,
Выйдя из спален своих, сыновья его — Стратий, Ехефрон,
Арет, Персей и подобный богам Фрасимед горделивый.
Следом за ними, шестым, и герой Писистрат появился.
И Телемаха сюда привели и с собой усадили.

Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним
речью:

«Живо мое пожеланье исполните, милые дети!

Милости прежде всего я хочу испросить у Афины,
К нам самолично пришедшей на пышное пиршество
бога.

В поле за телкой отправься один, чтоб была здесь скорее;
Пусть ее с поля пастух, коров там пасущий, пригонит.
Также отправься один к Телемахову черному судну,

Всех товарищей к нам приведи, оставь лишь двоих там.
Также один пусть прикажет Лаэрту прийти поскорее,
Мастеру дел золотых, чтоб рога у телушки оправил
В золото. Все остальные останьтесь. Скажите там в доме,
Чтобы рабыни обед поскорее готовили пышный,
Стулья б поставили, дров и блестящей воды принесли
бы».

Так он сказал. Сыновья торопливо за дело взялись.
Телка с поля пришла. Пришли с чернобокого судна
Спутники, вместе сюда с Телемахом приплывшие.
Медник

С медным пришел инструментом, пособием в ковальном
искусстве;

Крепкие клещи с собой он принес, наковальню и молот, —
Все, чем над золотом нужно работать. Пришла и Афина
Жертву принять. Престарелый же Нестор, наездник
геренский,

Золото дал. Позолотой рога у телушки искусно
Мастер покрыл, чтобы сердце богини порадовать
блеском.

Телку вели за рога богоравный Ехефрон и Стратий;
Из дома выйдя, кувшин, расцвеченный узором, с водою
Вынес одною рукою Арет, в другой же корзину
Нес с ячменем. С топором отточенным в руках, перед
телкой,

Чтобы удар нанести, стоял Фрасимед боестойкий.
Чашу подставил Персей. Престарелый же Нестор
наездник,

Руки омыв, ячменем всю телушку осыпал и, срезав

Шерсть с головы ее, бросил в огонь и молился Афине.
Все помолились потом и осыпали зернами жертву.
Несторов сын, Фрасимед горделивый, мгновенно
приблизясь
К жертве, нанес ей удар, разрубив топором сухожилия
Шеи, и силу у телки расслабил. И клик испустили
Дочери все и невестки с самой Евридикой почтенной,
Нестора старца женою, Клименовой дочерью старшей.
Те же, с широкодорожной земли приподнявши, держали
Телку. Ножом Фрасимед ее в шею ударил. Когда же
Черная вытекла кровь и дух ее кости оставил,
Тотчас на части ее разделили и, вырезав бедра
Так, как обычай велит, обрезанным жиром в два слоя
Их обернули и мясо сложили на них остальное.
Нестор сжигал на огне их, багряным вином окропляя.
Юноши, около стоя, держали в руках пятизубцы.
После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы,
Прочее все, на куски разделив и наткнувши на прутья,
Начали жарить, руками держа заостренные прутья.
Вымыла гостя меж тем Поликаста, прекрасная дева,
Нестора младшая дочь, Нелеева славного сына,
Вымывши, маслом блестящим она ему тело натерла,
Плечи же гостя одела прекрасным плащом и хитоном.
Видом подобный бессмертным богам, из ванны он вышел
И, подойдя, возле Нестора сел, владыки народов.
Было тем временем мясо изжарено, с вертелов снято.
Сели они за обед. Заботливо мужи ходили
Вкруг пировавших, вино в золотых подавая им кубках.
После того как питьем и едой утолили желание,

Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним речью:

«Ну-ка, дети мои, запрягите коней пышногривых
Для Телемаха, введя под ярмо их, чтоб мог он поехать».
Так он сказал. И охотно приказу они подчинились.
Тут же не медля впрягли в колесницу коней легконогих.
Ключница им на дорогу вина положила и хлеба,
Вместе с едою, какую обычно цари потребляют.
На колесницу прекрасную встал Телемах богоравный;
Следом и Несторов сын Писистрат, мужей повелитель,
На колесницу взошел и взялся за блестящие вожжи.
Коней бичом он хлестнул. Охотно они полетели
Полею и сзади себя оставили Пилос высокий.
Кони весь день напролет, ярмо сотрясая, неслися.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
Прибыли в Феры они и заехали в дом к Диоклею.
Сыном он был Ортилоха, рожденного богом Алфеем.
Там они ночь провели, и он преподнес им гостинцы.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Коней они запрягли и, на пеструю став колесницу,
Быстро к воротам на ней через портик помчались
звонкий.
Коней хлестнул Писистрат. Охотно они полетели.
Вскоре равнины достигли, богато заросшей пшеницей.
Там они кончили путь – так быстро домчали их кони.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.

Песнь четвертая

В ЛАКЕДЕМОНЕ

Прибыли в низменный Лакедемон, окруженный холмами,

К дому примчались царя Менелая, покрытого славой.
Свадьбу сына в то время он праздновал и непорочной
Дочери в доме своем, средь собравшихся родичей
многих.

Сыну Пелида, фаланг разрывателя, дочь посылал он;
В Трое давно уже дал обещание он и согласие
Выдать ее, и теперь этот брак им устроили боги.
Много ей дав колесниц и коней, отправлял к
мирмидонцам

Дочь он, в город их славный, где царствовал сын
Ахиллеса.

Сыну ж привел он из Спарты Алектора дочь молодую.
Поздно рожден был тот сын, Мегапент многомогущий,
рабыней

Сыну Атрея. Елене ж детей уже не дали боги,
После того как вначале она родила Гермionу,
Схожую видом прелестным с самой золотой Афродитой.
Так пировали они под высокою кровлею дома,
Сродники все и соседи покрытого славой Атрида,

И наслаждались. Певец же божественный пел под
формингу,

Сидя меж ними. И только лишь песню он петь
принимался,

Два скомороха тотчас начинали вертеться по кругу.

Путники оба в дворовых воротах – и сами, и кони,

Сын Одиссеев герой и Несторов сын достославный –

Стали. Увидевши, вышел к ним из дому распорядитель,

Етеоней благородный, проворный помощник Атрида.

К пастырю войск Менелаю чрез дом он отправился с
вестью,

Близко стал перед ним и слова окрыленные молвил:

«Мужи какие-то там, Менелай, о питомец Кронида,

Два чужеземца; как будто из рода великого Зевса.

Как ты прикажешь – распрячь ли у них лошадей
быстроногих

Иль их отправить к другому кому, кто б их принял
радушно?»

Сильно разгневавшись, молвил ему Менелай
русокудрый:

«Етеоней, Боефоем рожденный! Ведь глупым ты не был
Прежде, теперь же ты вздор говоришь, словно малый
ребенок!

Мало ль радушья найти нам пришлось у людей
чужеземных

Раньше, чем в дом мы вернулись? Дай бог, чтобы
кончились беды

Наши на этом!.. Сейчас же коней отпряги чужеземцев!

Их же дальше в наш дом проводи, чтобы нам угостить

их».

Етеоней устремился из зала мужского и скликал
Слуг расторопных других, чтоб к нему собрались
поскорее.

Быстро лихих отпрягли лошадей, под ярмом запотевших,
К яслям в конюшне они поводьями их привязали,
Полбу засыпали в ясли и к ней ячменю подмешали.

А колесницу приезжих к блестящей стене прислонили.
Их же самих привели в божественный дом. Увидавши
Дом вскормленного Зевсом царя, изумилися оба, –
Так был сиянием ярким подобен луне или солнцу
Дом высокий царя Менелая, покрытого славой.

После того как глазами они нагляделись досыта,
Оба пошли и в прекрасно отесанных вымылись ваннах.
Вымыв, невольницы маслом блестящим им тело натерли,
После надели на них шерстяные плащи и хитоны.

Выйдя, уселися рядом они с Менелаем Атридом.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с рукомойной водою
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания. После расставила стол она гладкий.
Хлеб положила пред ними почтенная ключница, много
Кушаний разных поставив, охотно их дав из запасов,
Кравчий, блюда высоко поднявши, на них преподнес им
Разного мяса и кубки поставил близ них золотые.

Кубком приветствуя их, так сказал Менелай русокудрый:
«Пищи, прошу вас, вкусите и радуйтесь! После ж того как
Голод насытите вы, мы спросим – какие вы люди?
В вас не погибла, я вижу, порода родителей ваших.
Род от царей вы, конечно, ведете, питомцев Зевеса,

Скипетр носящих: худые таких бы, как вы, не родили».

Так сказав, по куску положил он пред ними бычачьей
Жирной спины, отделив от почетной собственной доли.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Проговорил Телемах, к Писистрату склоняясь Несториду,
Близко к его голове, чтоб его не слышали другие:
«Вот, посмотри, Несторид, о друг мой, любезнейший
сердцу,
Как в этом гулком покое все яркою медью сверкает,
Золотом и серебром, электром и костью слоновой!
У Олимпийского Зевса, наверно, такая же зала.
Что за богатство! Как много всего! Изумляюсь я, глядя!»

То, что сказал Телемах, услышал Менелай русокудрый
И, обратившись к гостям, слова окрыленные молвил:
«С Зевсом, дети мои, состязаться нельзя человеку,
Ибо сокровища все и жилища у Зевса нетленны,
Люди ж – иные поспорят в богатстве со мной, а иные –
Нет; протерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях и в восьмом лишь году
воротился,
В странствиях Кипр посетив, Финикию и дальний
Египет.
У эфиопов, сидонцев, ерембов пришлось побывать мне,
В Ливии был, где ягнята рогатыми на свет рождаются,
Где ежегодно три раза и овцы котятся и козы.
Там никогда не бывает, чтоб сам ли хозяин, пастух ли
В сладком имел молоке недостаток, иль в сыре, иль в
мясе.

Доится скот в той стране непрерывно в течение года.
Но между тем как, собирая большие богатства, скитался
В этих я странах, мне брата убил человек посторонний,
Тайно, нежданно, коварством проклятой супруги
Атрида.

Так-то без радости всякой своим я владею богатством.
Впрочем, про это про все от отцов вы, наверно, слышали,
Кто б они ни были. Много пришлось мне страдать,
потерял я

Дом, для житья превосходный, богатствами многими
полный.

С третьей, однако, их частью я дома бы жить согласился,
Только бы живы остались те мужи, какие в то время
В Трое широкой погибли, вдали от любимой отчизны.
Часто, их всех вспоминая, о них сокрушаясь и плача,
Время в нашем просторном дворце провожу я; порою
Сердце себе улаждаю стенаньем, порой прекращаю
Плач: насыщаемся скоро мы горем жестоким и плачем.
Всех их, однако, не так я жалею, хотя и печалюсь,
Как одного. Только вспомню о нем, и становятся сразу
Мне ненавистны и пища и сон. Ни один из ахейцев
Столько не снес, сколько снес Одиссей. Несчислимые
беды

Пали на долю ему, а мне – по испытанном друге
Горькая скорбь. Уж давно его нет, и не знаем мы точно,
Умер ли он или жив. Горюют о нем безутешно
Старый родитель Лаэрт, и разумная Пенелопея,
И Телемах, им оставленный дома недавно рожденным».
Плакать о милом отце захотелось тогда Телемаху.

С век он на землю слезу уронил, об отце услышавши,
Плащ свой багряный руками обеими поднял поспешно,
Чтобы глаза им закрыть. Менелай это сразу заметил.
Он между помыслов двух и умом колебался и духом:
Ждать ли, чтоб сам Телемах говорить об отце своем
начал,

Или вопросами выведать все у него понемногу?

Но между тем как рассудком и духом об этом он думал,
Вышла из спальни высокой своей и душистой Елена,
Схожая образом всем с Артемидою золотострельной.
Кресло искусной работы подвинула сесть ей Адреста,
Вынесла под ноги мягкий ковер шерстяной ей Алкиппа,
Фило серебряный ларчик держала; Елене Алькандрой
Был он подарен, женою Полиба, в египетских Фивах
Жившего; граждан дома там богатства вмещают
большие.

Две Полиб подарил Менелаю серебряных ванны,
Также треножника два и золотом десять талантов.

Кроме того, и жена одарила богато Елену:

Веретено золотое и ларчик дала на колесах

Из серебра, с золотою каемкой. Его-то служанка

Фило несла на руках и поставила возле Елены,

Пряжею полный искусно сработанной; сверху лежало

Веретено золотое с фиалково-темною шерстью.

В кресло села она, на скамейку поставила ноги

И начала обо всем по порядку расспрашивать мужа:

«Знаешь ли ты, Атреид Менелай, питомец Зевеса,

Кем похваляются быть эти мужи, пришедшие в дом наш?

Правду ль скажу, ошибусь ли? Но сердце велит говорить

мне.

Кажется мне, никогда не видала настолько я схожим
Ни из мужчин никого, ни из жен, – изумляюсь я, глядя! –
Как этот гость наш походит на сына царя Одиссея,
На Телемаха, которого муж тот едва лишь рожденным
Дома оставил, когда к Илиону отплыли ахейцы,
Из-за меня, бесстыжей, поход предприняв свой
отважный».

И, отвечая Елене, сказал Менелай русокудрый:

«Думаю сам я теперь, как сейчас мне, жена, ты сказала.
Ноги такие ж совсем у него и такие же руки,
Взоры такие же глаз, голова с такими ж кудрями.
Да и сейчас вот, когда в разговоре с гостями я вспомнил
Об Одиссее, как много пришлось за меня ему вынести,
Из-под бровей у него покатилась слеза за слезою,
И, закрывая глаза, он плащ свой пурпуровый поднял».
Тут Несторид Писистрат, отвечая, сказал Менелаю:
«Богорожденный Атрид Менелай, повелитель народов!
Верно! Приходится сыном тому он, о ком говоришь ты.
Но рассудителен гость твой, и в сердце своем он стыдится
Сразу, едва лишь придя, слова рассыпать пред тобою –
Перед тобою, чей голос, как божеский голос, пленил нас.
Что ж до меня, то послал меня Нестор, наездник
геренский,

Спутником быть Телемаху. С тобой он желал повидаться,
Чтоб присоветовал слово ему ты какое иль дело.

Много приходится сыну, родитель которого отбыл,
Бедствий терпеть, если нет другого заступника в доме,
Вот как теперь Телемаху: уехал отец, и в народе

Больше уж нет никого, кто его от беды защитил бы». Так, отвечая ему, Менелай русокудрый воскликнул: «Боги! Ужели же в доме своем принимаю я сына Друга, так много трудов за меня перенесшего тяжких! Я-то надеялся: буду, когда мы вернемся, дружить с ним Больше, чем с кем из ахейцев, лишь дал бы нам дома достигнуть

По морю бурному Зевс Олимпиец, широкогремящий. Дал бы я в Аргосе город ему для житья и построил Дом бы ему, из Итаки привезши с богатствами всеми, С сыном и с целым народом, какой-нибудь выселив город,

К Спарте который поближе, который под властью моею. Часто б тогда мы встречались, любили бы жарко друг друга

И наслаждались друг другом. Не раньше бы разлучились, Чем одного бы окутало черное облако смерти.

Верно, однако, сам бог позавидовал нашему счастью И одного лишь того несчастливца лишил возвращенья».

Так он сказал, и у всех появилось желание плакать.

Плакала горько Елена аргивская, дочь Молневержца,

Плакали сын Одиссея и царь Менелай русокудрый.

У Писистрата глаза не бесслезными также остались:

Брат ему милый на память пришел, Антилох безупречный,

Сыном блистательным ясной Зари умерщвленный под Троей.

Вспомнил о нем Писистрат и слова окрыленные молвил:

«Разумом ты, Атреид, между всеми людьми выдаешься, —

Так говорил престарелый нам Нестор, когда вспоминали
Мы о тебе в нашем доме, ведя меж собою беседу.

Нынче послушайся, если возможно, меня. Никакой мне
Радости нет горевать после ужина. Будет еще ведь
Завтрашний день для скорбей. Ничего не имею я против,
Ежели плачут о муже, кто умер и роком настигнут.
Только и почести смертным несчастным, что волосы
срежут

В память его да слезинка-другая в глазах навернется.
Брата и я потерял. И не худшим он был средь ахейцев
Воином. Знаешь его ты, наверное. Сам я не видел,
С ним не встречался. Однако меж всех, говорят,
выдавался

Брат Антилох, как бесстрашный боец и бегун
быстроногий».

Так отвечая ему, сказал Менелай русокудрый:

«Все ты, мой друг дорогой, говоришь, что сказал бы и
сделал

Наиразумнейший муж и даже старейший годами.

Сын ты такого отца, потому и сказал так разумно.

Род человека легко познается, которому выпрял

Счастье Зевс-промыслитель при браке его иль рождении.

Также и Нестору счастье дал он – все дни непрерывно

Стариться в доме своем в весельи и в полном довольстве

И сыновьями иметь копьеборных людей и разумных.

Плач похоронный, какой тут случился, давайте оставим!

Вспомним об ужине снова и руки омоем водою.

Времени ж будет довольно обоим и завтрашним утром

И Телемаху и мне – обменяться словами друг с другом».

Так он сказал. Асфалион, проворный слугитель Атрида,
Быстро им подал воды, чтоб они себе руки умыли.
К пище готовой потом они руки свои протянули.
Новая мысль тут явилась у дочери Зевса Елены.
Снадобье бросила быстро в вино им, которое пили,
Тонут в нем горе и гнев и приходит забвение бедствий.
Если бы кто его выпил, с вином намешавши в кратере,
Целый день напролет со щеки не сронил бы слезинки,
Если бы даже с отцом или с матерью смерть
приключилась,
Если бы прямо пред ним или брата, иль милого сына
Острою медью убили и он бы все видел глазами.
Некогда было то средство целебное с действием верным
Дочери Зевса дано Полидамной, супругою Фона,
В дальнем Египте, где множество всяческих трав
порождает
Тучная почва – немало целебных, немало и вредных.
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем
обширным
Прочих людей, ибо все в той земле из Пэанова рода.
Снадобье бросив в вино и вино разнести приказавши,
Так начала говорить Елена, рожденная Зевсом:
«Царь Менелай Атреид, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отважных мужей! По желанию Зевс посылает
Людям и зло и добро, ибо все для Кронида возможно.
Сидя тут в зале высоком, пируйте в весельи, беседой
Тешьтесь, а я рассказать подходящее вам бы хотела.
Подвигов всех Одиссея, в страданиях твердого духом,
Ни рассказать не смогу я, ни их перечислить подробно.

Но расскажу, на какое деянье дерзнул он бесстрашно
В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы, страдали.
Сам себе страшно позорнейшим способом тело избивши,
Рубищем жалким, подобно невольнику, плечи одевши,
В широкоуличный город враждебных мужей он
пробрался.

Так себя скрывши, совсем он другому был мужу
подобен –

Нищему, как никогда его возле судов не видали.

Образ принявши его, он прошел в Илион, подозрений
Не возбуждав ни в ком. Только я его сразу узнала,
Спрашивать стала, но он от ответов хитро уклонился.

Только тогда, как его я обмыла и маслом натерла,

Платьем одела и клятвой великой ему поклялася,

Что лишь тогда Одиссея троянцам я выдам, когда он

В стан уж вернется к себе, к ахейским судам
быстролетным, –

Только тогда мне раскрыл он весь замысел хитрый
ахейцев.

В городе много троянцев избив длиннолезвенной медью,
Он возвратился к ахейцам, принеся им знание о
многом.

Громко другие троянки рыдали. Но радостью полно

Было сердце мое: уж давно я рвалась уехать

Снова домой и скорбела о том ослепленьи, какое

Мне Афродита послала, уведши меня из отчизны,

Бросить заставив и дочку, и брачную спальню, и мужа,

Могшего духом и видом своим потягаться со всяким».

И, отвечая Елене, сказал Менелай русокудрый:

«Что говоришь ты, жена, говоришь ты вполне справедливо.

Случай имел я узнать и стремленья, и мысли, и нравы
Многих мужей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде не случилось мне видеть глазами
Мужа такого, как царь Одиссей, в испытаниях твердый, —
Также и дела такого, какое отважился сделать
Муж тот могучий в коне деревянном, в котором засели
Все мы, храбрейшие в войске, готова погибель троянцам.
Ты в это время к коню подошла. Побудил тебя, верно,
Бог, нам враждебный, желавший врагам нашим славу
доставить.

Вместе с тобой подошел Деифоб, на бессмертных
похожий.

Щупая трижды засаду, пустую внутри, обошла ты
И начала называть поименно знатнейших данайцев
(Голосу полное сходство придав с голосами супруг их).
Я, и Тидид Диомед, и царь Одиссей богоравный,
Сидя засадой в коне, услышали, как ты закричала.
Мы с Диомедом в волненьи вскочили и тотчас хотели
Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться.
Но Одиссей удержал нас, не дал проявиться порыву.
(Все остальные ахейцы сидели в глубоком молчаньи.
Только Антикл попытался тебе отозваться словами.
Быстро тогда Одиссей руками могучими крепко
Рот Антиклу зажал и от гибели тем нас избавил.
Столько держал он, покуда тебя удалила Афина.)»
Сыну Атрида в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Зевсов питомец Атрид Менелай, повелитель народов!

Тем мне больней, что он все же не спасся от гибели грозной,

Хоть и железное сердце в груди у родителя было.

Ну, а теперь не пора ль нас в постели отправить, чтоб также

Мы получили возможность и сладостным сном насладиться».

Так он промолвил. Елена тотчас приказала рабыням
Две кровати поставить в сенях, из подушек красивых,
Пурпурных ложе устроить, а сверху покрыть их коврами,
Два одеяла пушистых постлатъ, чтобы сверху покрыться.
С факелом ярким в руках поспешили рабыни из дома
И постелили постели. Глашатай из зала их вывел.

Гости спать улеглись в притворе Атридова дома, –
Сын Одиссеев герой и Несторов сын достославный.

Царь же во внутренней спальне высокого дома улегся
Рядом с Еленою длинноодеждною, светом меж женщин.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Быстро с постели Атрид Менелай поднялся русокудрый,
Платьем оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,
К белым ногам привязал красивого вида подошвы,
Вышел из спальни своей, бессмертному богу подобный,
И к Телемаху подсел, и по имени назвал, и молвил:

«Что за нужда, Телемах благородный, тебя привела к нам,
В Лакедемон наш пресветлый, хребтами широкими
моря?

Дело народное или свое? Скажи откровенно».

Сыну Атрида в ответ Телемах рассудительный молвил:

«Зевсов питомец Атрид Менелай, повелитель народов!

Прибыл сюда я, — не дашь ли каких об отце мне известий?
Дом пожирается мой, и погибло мое достоянье;
Дом мой полон врагов, которые режут без счета
Мелкий скот мой и медленноходных быков криворогих;
Матери это моей женихи, наглейшие люди!
Вот почему я сегодня к коленям твоим припадаю, —
Не пожелаешь ли ты про погибель отца рассказать мне,
Если что видел своими глазами иль слышал рассказы
Странника. Матерью был он рожден на великое горе!
И не смягчай ничего, не жалея и со мной не считайся,
Точно мне все сообщи, что видеть тебе довелось.
Если когда мой отец, Одиссей благородный, словами ль,
Делом ли что совершил, обещанье свое исполняя,
В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы,
страдали, —
Вспомни об этом, молю, и полную правду скажи мне!»
В гневе жестоком ему отвечал Менелай русокудрый:
«Как это? Брачное ложе могучего, храброго мужа
Вдруг пожелали занять трусливые эти людишки!
Это как если бы лань для детенышей новорожденных
Выбрала логово мощного льва, их бы там уложила
И по долинам пошла бы пастись, поросшим травой,
Лев же могучий меж тем, к своему воротившись ложу,
И оленятам и ей бы позорную смерть приготовил, —
Так же и им Одиссей позорную смерть приготовит.
Если бы, Зевс, наш родитель, и ты, Аполлон, и Афина, —
В виде таком, как когда-то на Лесбосе он благоздатным
На состязаньях с Филомелеидом бороться поднялся,
С силой швырнул его наземь и радость доставил

ахейцам, –

Пред женихами когда бы в таком появился он виде,
Короткожизненны стали б они и весьма горькобразны!
То же, что знать от меня ты желаешь, тебе сообщу я,
Не уклоняясь от правды ни в чем, не вилая нисколько.
Все, что мне старец правдивый морской сообщил, ни о
чем я

Не умолчу пред тобой, ни единого слова не скрою.
Сердцем домой я рвался, но все время держали в Египте
Боги меня, потому что я им не принес гекатомбы.
Боги хотят, чтоб всегда приказанья их помнили люди.
Остров такой существует на море высокоприбойном;
Перед Египтом лежит он (название острову – Фарос)
На расстояньи, какое в течение дня проплывает
По морю, ветром попутным гонимый, корабль
изогнутый.

Гавань прекрасная в нем. Отплывают из гавани этой,
Черной запасшись водой, корабли равнобокие в море.
Двадцать там дней меня боги держали. Все время ни разу
Дующих в сторону моря попутных ветров не явилось,
Что провожают суда по хребту широчайшего моря.
Все бы у нас истоцилось – и силы людей и припасы, –
Если бы жалко не стало меня Эйдофее богине,
Дочери старца морского, могучего бога Протея.
Ей всего более дух взволновал я. Когда одиноко
Шел от товарищей я вдалеке, мне она повстречалась.
Все они время, близ моря слоняясь, кривыми крючками
Рыбу ловили: терзал жесточайший им голод желудки.
Близко став предо мною, она мне промолвила громко:

– Глуп ли ты так, чужеземец, иль так легкомыслен?
Нарочно ль

Бросил о всем ты заботу и сердце страданиями тешишь?
Так ты на острове долго сидишь – и найти не умеешь
Выхода, тем ослабляя в сердцах у товарищей бодрость! –
Так мне сказала. И я, отвечая богине, промолвил:
– Кто б из богинь ни была ты, всю правду тебе расскажу я.
Нет, не по собственной воле я здесь задержался, но,
видно,

Чем-то богов я обидел, владеющих небом просторным.
Ты хоть скажи мне, богиня, – ведь все вам, бессмертным,
известно, –

Кто из богов меня держит и мне закрывает дорогу
Для возвращенья домой по обильному рыбами морю? –
Так говорил я. И светлая мне отвечала богиня:

– Я, чужеземец, тебе совершенно правдиво отвечу:
Часто бывает старик здесь морской из Египта,
правдивый,

Бог бессмертный Протей, которому ведомы бездны
Моря всего и который царю Посейдону подвластен.
Он, говорят, мой отец, и я от него родилася.

Если б тебе удалось овладеть им, устроив засаду,
Все б он тебе рассказал про дорогу, и будет ли долог
Путь к возвращенью домой по обильному рыбами морю.
Если захочешь, спроси и о том его, Зевсов питомец,
Что в твоём доме плохого ль, хорошего ль было в то
время,

Как ты домой возвращался далекой и трудной дорогой. –
Так говорила богиня. И я, отвечая, сказал ей:

– Нет, уж придумай сама, как поймать мне бессмертного старца,

Чтобы, заметив меня как-нибудь, от меня он не скрылся. Трудно смертному мужу с бессмертным управиться богом. –

Так сказал я. И светлая мне отвечала богиня:

– Это тебе, чужеземец, правдиво вполне сообщу я.

Только приблизится солнце к середине широкого неба, Вдруг средь кипения черной воды, при подувшем зефире,

Правду знающий старец морской из пучины выходит.

Выйдя из волн зашумевших, ложится он в полую яму.

Тут же тюлени, потомки прекраснейшей дочери моря,

Стаями спят вокруг него, седые покинувши волны,

Острый смрад издавая глубоко с пучинного моря.

С ранней зарею тебя проведу я туда и устрою

Ложу тебе меж тюленей. А ты на судах твоих прочных

Трех себе выбери в помощь товарищей самых надежных.

Все же уловки того старика тебе сообщу я.

Прежде всего обойдет он тюленей и всех сосчитает.

После того же как их сосчитает старик и осмотрит,

Ляжет средь них отдыхать, как пастух средь овечьего стада.

Только увидите вы, что заснул средь своих он тюленей,

Пусть вас тотчас же забота возьмет об отваге и силе!

Быстро схватите его, как бы он ни рвался и ни бился.

Виды начнет принимать всевозможных существ он, какие

Бродят у нас по земле; и водой и огнем обернется.

Вы же без страха держите его и сжимайте покрепче.
После того как он сам обратится к тебе со словами,
Образ принявши, в каком вы его уже видели спящим,
Тотчас насилье оставь, отпусти старика на свободу
И расспроси его, кем из богов ты, герой, утесняем,
Как тебе в дом свой вернуться по рыбообильному морю. —
Так сказав, погрузилась в волнами кипящее море.
Я же к стоявшим в песках кораблям моим шаг свой
направил.

Сильно во время дороги мое волновалось сердце.
После того как пришел к своему кораблю я и к морю,
Ужин сготовили мы. Священная ночь наступила.
Спать мы тогда улеглись близ прибоем шумящего моря.
Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.
Двинулся в путь я, бессмертным богам горячо
помолившись,
Берегом моря широкодорожного. Вместе с собою
Трех я товарищей вел, для всякого дела пригодных.
Тут погрузилась богиня в широкое лоно морское
И принесла из пучины четыре нам шкуры тюленых,
Только что содранных: хитрость она на отца замышляла.
На берегу средь песков уже вырыла нам она яму
И в ожиданьи сидела, когда подошли мы к богине.
Каждого в яму она уложила и шкурой покрыла.
Стать ужасной для нас могла бы засада. Ужасно
Мучил нас гибельный запах питаемых морем тюленей.
С чудищем моря в соседстве легко ли лежать человеку!
Но принесла нам спасенье она и великую помощь:
Смазала каждому ноздри амвросией, пахнувшей сладко.

Запахом тем благовонным был смрад уничтожен
чудовищ.

Стойко мы целое утро под шкурами там пролежали.

Стаями вышли из моря тюлени и друг возле друга

Все на песке улеглись близ прибоем шумевшего моря.

В полдень вышел старик из соленого моря; увидел

Жирных тюленей своих на песке, обошел, сосчитал их;

Первыми нас между чудищ своих сосчитал он; и мысли

Не было в духе его о засаде. Улегся и сам он.

Выскочив с криком из ям, мы кинулись к старцу,
схватили

Крепко его. О коварном искусстве своем не забыл он.

Огненноокиим сначала представился львом бородатым,

После того леопардом, драконом и вепрем огромным,

Деревом вдруг обернулся высоким, текучей водою.

Стойкие духом, бесстрашно его мы держать продолжали.

Это наскучило скоро в уловках искусному старцу.

Вдруг, с человеческим словом ко мне обратившись,
спросил он:

– Кто из бессмертных тебя, Атреид, обучил из засады
Мной овладеть против воли моей? Чего тебе нужно? –

Так спросил он, и я, ему отвечая, промолвил:

– Знаешь ты, старец, и сам, – для чего отвлекаешь
вопросом,

Как я на острове долго сию и найти не умею

Выхода, как постепенно все более падаю духом.

Ты хоть скажи мне, о старец, – ведь все вам,
бессмертным, известно,

Кто из богов меня тут задержал и закрыл мне дорогу

Для возвращения домой по обильному рыбами морю? –
Так говорил я. Немедленно мне, отвечая, сказал он:
– Но ведь, всходя на корабль, обязательно должен был
жертву

Зевсу и прочим богам ты принесть, раз хотел поскорее
По винно-чермному морю вернуться в родимую землю.
Ибо тогда лишь судьба тебе – близких увидеть, приехать
В дом твой прекрасный обратно и в милую землю
родную,

Если теперь же назад ты поедешь к теченьям Египта,
Зевсом вспоенной реки, и святые свершишь гекатомбы
Вечно живущим богам, владеющим небом широким;
И подадут тебе боги дорогу, какую желаешь. –

Так говорил он. Разбилось тогда мое милое сердце:
Он мне приказывал снова по мглисто-туманному морю
Ехать обратно в Египет тяжелой и длинной дорогой!

Но, несмотря и на это, ему отвечая, сказал я:
– Все это точно, о старец, исполню я, как мне велишь ты.
Но Расскажи еще вот что и будь откровенен со мною:
Все ль невредимо в судах воротились ахейцы, которых
Нестор и я за собою оставили, Троя покинув?
Или погиб кто-нибудь с кораблем своим гибелью
горькой,

Или, проделав войну, на руках своих близких
скончался? –

Так говорил я. И, мне отвечая, тотчас же сказал он:
– Что ты об этом, Атрид, выпрашивать вздумал? Не надо
б

Знать тебе лучше об этом. Не думаю я, чтобы долго

Смог ты остаться бесслезным, когда все подробно узнаешь.

Много из них уж погибло, но много и живо осталось.

Из предводителей меднодоспешных ахейцев лишь двое
При возвращеньи погибли; кто в битвах убит, ты ведь
знаешь;

Третий же где-то живой задержался на море широком.

С длинновесельными вместе судами Аякс Оилеев

В море погиб. Посейдон о гирейские острые скалы

Раньше суда лишь разбил, самого ж его спас из пучины.

Смерти б он так и избег, хоть и был ненавистен Афине,

Если б в большом ослепленьи хвастливого слова не
бросил,

Что, и богам вопреки, он спасся из гибельной бездны.

Дерзкую эту его похвальбу Посейдаон услышал.

Вспыхнувши гневом, трезубец в могучие руки схватил он

И по гирейской ударил скале, и скала раскололась.

Часть на месте осталась, обломок же в море свалился,

Тот, находясь на котором, Аякс погрешил так жестоко.

Вслед за собою увлек и его он в кипящее море.

Так он там и погиб, соленой воды наглотавшись.

Брат же твой Кер избежал, от них ускользнул в изогнутых

Черных своих кораблях. Спасла владычица Гера.

Все же в то время когда уж к высокому мысу Малей

Близок он был, подхватила его налетевшая буря

И понесла через рыбное море, стенавшего тяжко,

К крайним пределам страны, где Фиест обитал в своем
доме

В прежнее время; теперь же Эгист Фиестид обитал там.

Но появился счастливый возврат для него и оттуда.
Ветер боги назад повернули, и прибыл домой он.
Вышел в восторге на землю родную Атрид Агамемнон,
К родине крепко припал, целовал ее. Жаркие слезы,
С радостью землю увидев, из глаз проливал он обильно.
С вышки, однако, тотчас его сторож заметил. Поставлен
Был он Эгистом коварным, который ему два таланта
Золотом дать обещал; сторожил он уж год, чтоб внезапно
Не появился Атрид и о буйной не вспомнил бы силе.
Быстро направился в дом к пастуху он народов с
известьем.

Тотчас коварнейший план задумал Эгист. Среди народа
Выбрал надежнейших двадцать мужей, посадил их в
засаду,

В доме с другой стороны обед приказал приготовить,
Сам же отправился звать Агамемнона, пастыря войска,
На колесницах с конями, замыслив недоброе дело.
Встретил его, подозрению чуждого, ввел его в дом свой
И, угостивши, зарезал, как режут быка возле яслей.
Ни одного из прибывших с Атридом в живых не осталось,
Но и Эгистовых также: все в мужеском зале погибли. —
Так он сказал. И разбилось тогда мое милое сердце.
Плакал я, сидя в песках. И совсем моему не хотелось
Сердцу ни жить, ни глядеть на сияние яркое солнца.
После того как уж всласть я наплакался, всласть
навалялся,

Старец правдивый морской такое промолвил мне слово:
— Сын Атреев, не надо так долго и так неутешно
Плакать. Ведь плачем своим ничего мы не сможем

достигнуть.

Лучше подумай о том, как скорее в отчизну вернуться.
Или еще ты застанешь Эгиста живым, иль Орестом
Он уже будет убит, и ты к погребению поспеешь. –
Так он ответил. И радость огромная вдруг охватила,
Как ни жестоко скорбел я, и дух мой отважный и сердце.
Громко я старцу морскому слова окрыленные молвил:
– Знаю теперь о двоих. Назови же мне третьего мужа,
Кто, еще будучи жив, задержан на море широком.
Или уж нет и его? Как ни горько, но слушать готов я. –
Так говорил я. И мне отвечая, тотчас же сказал он:
– Третий средь этих мужей – Лаэртос сын из Итаки.
Льющим обильные слезы его я на острове видел:
Там его нимфа Калипсо насильно в дому своем держит,
И воротиться никак он не может в родимую землю.
Нет ни товарищей там у него, ни судов многовеслых,
Чтоб он отправиться мог по хребту широчайшему моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
В конепитательном Аргосе ты не подвергнешься смерти.
Будешь ты послан богами в поля Елисейские, к самым
Крайним пределам земли, где живет Радамант
русокудрый.
В этих местах человека легчайшая жизнь ожидает.
Нет ни дождя там, ни снега, ни бурь не бывает жестоких.
Вечно там Океан бодрящим дыханьем Зефира
Веет с дующим свистом, чтоб людям прохладу доставить.
Ибо супруг ты Елены и зятем приходишься Зевсу. –
Так сказав, погрузился в волнами шумевшее море.
Я ж и товарищей трое пошли к кораблям нашим

быстрым.

Сильно во время дороги мое волновалось сердце.

После того как пришли к кораблям чернобоким и к морю,

Ужин стоговили мы. Бессмертная ночь наступила.

Спать мы тогда улеглись близ прибоем шумящего моря.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Прежде всего корабли мы спустили в священное море,

Мачты потом с парусами вовнутрь кораблей уложили,

Люди и сами взошли на суда и к уключинам сели

Следом один за другим и ударили веслами море.

Снова я стал с кораблями вблизи от течений Египта,

Зевсом вспоенной реки, и святые свершил гекатомбы.

После того же как гнев прекратил я богов вечно-сущих,

Холм я насыпал над братом, чтоб слава его не угасла.

Сделавши это, поплыл я. Послали мне ветер попутный

Вечные боги и скоро к отчизне доставили милой.

Вот что, однако, тебе, Телемах, предложить я хотел бы:

Дней на одиннадцать или двенадцать останься-ка с нами;

После тебя хорошо провожу, одаривши богато:

Трех подарю тебе быстрых коней с колесницей
блестящей,

Дам тебе также и чашу прекрасную, чтобы бессмертным

Ты возлиянья творил, всегда обо мне вспоминая».

Сыну Атрея в ответ Телемах рассудительный молвил:

«Очень прошу, Атреид, не удерживай здесь меня долго!

Если бы даже сидел я в течение года с тобою,

Ни о родителях я тосковать бы не стал, ни о доме.

Слушая жадно все речи твои и рассказы, ужасно

Я наслаждаюсь. Однако товарищи ждут с нетерпением

В Пилосе многосвященном меня. А ты меня держишь.
Что ж подарить ты мне хочешь, пусть будет лежачее
нечто.

Не поведу лошадей я в Итаку; пускай остаются,
Пусть у тебя самого здесь красуются. Ты ведь владеешь
Очень широкой равниной, на ней там и донник, и кипер,
Полба, пшеница и белый ячмень ширококолосистый.
Мы ж ни широких дорог, ни лугов не имеем в Итаке.
Коз лишь кормя, мне милее она, чем коней бы кормила.
Все острова, что на море лежат, для коней не проезжи
И не богаты лугами. Итака же менее прочих.
Так он сказал. Менелай улыбнулся могучеголосый,
И Телемах погладил рукой, и назвал, и промолвил:
«Крови хорошей ты, милый мой сын, если так говоришь
ты.

Что же, подарок тебе обменяю. Могу я и это!
Дам я подарок, который «лежачим» лежит в моем доме, —
Самый прекрасный меж всеми подарками, самый
почетный.

Дам я в подарок тебе кратер превосходной работы;
Из серебра он отлит, а края у него золотые.
Сделан Гефестом. Его подарил мне Федим благородный,
Царь сидонцев, когда его дом, при моем возвращении,
Всех нас радушно покрыл. Кратер тот тебе подарю я».
Так меж собой разговоры вели Менелай с Телемахом.
Гости сходились в дом, где божественный царь ожидал
их;

Гнали овец и несли приносящие мужество вина;
Жены же их в покрывалах блистающих хлеб посылали.

Так об обеде они хлопотали в Атридовом доме.
А женихи в это время на острове дальнем Итаке
Пред Одиссеевым домом обычной игрой забавлялись —
Диски и копья метали на плотно убитой площадке.
Но Антиной с Евримахом, похожим на бога, сидели —
Всех женихов вожаки и первые знатностью рода.
Близко Фрониев сын Ноемон подошел к ним обоим
И Антиною сказал, с таким обратившись вопросом:
«Знаешь ли ты, Антиной, в уме своем или не знаешь,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?
Взял у меня он корабль, а теперь самому он мне нужен,
Чтобы поехать в Элиду просторную. Есть там двенадцать
Крепких кобыл у меня, и при них жеребята их, мулы,
Дикие все. Я хотел бы поймать одного, чтоб объездить».
Так он сказал. Изумились они. И на мысль не могло им
Это прийти, чтоб он в Пилос уехал. Они полагали, —
Он где-нибудь на полях возле стад иль пошел к
свинопасу.

И Ноемону сказал Антиной, Евпейтом рожденный:
«Правду скажи мне: когда он уехал? Какие поплыли
Юноши с ним? На Итаке ль набрал их? Наемных рабочих
Взял ли своих? Иль рабов? Ведь смог бы и это он сделать!
Также и это скажи мне правдиво, чтоб знал хорошо я:
Силой ли взял, против воли твоей, он корабль
чернобокий

Иль добровольно ты дал, лишь усердно тебя попросил
он?»

Фрониев сын Ноемон, отвечая, сказал Антиною:
«Сам добровольно я дал. А как и другой поступил бы,

Если б такой человек, с переполненным горестью сердцем,

С просьбой подобной пришел? Отказать ему было бы трудно!

Юноши отплыли с ним, после нас в итакийском народе Самые первые. Их предводителем был, я заметил, Ментор иль, может быть, бог, во всем ему видом подобный.

Вот я чему удивляюсь: божественный Ментор вчера мне Утром встретился здесь, хоть и сел на корабль с остальными».

Так им ответив, направил шаги он к отцовскому дому. Сильно у тех у двоих взволновалось отважное сердце; Всех женихов посадили они, прекратив состязанья, И Антиной, сын Евпейта, с такой обратился к ним речью, Гневом пылая. В груди его мрачное сердце ужасной Злобой наполнилось; пламенем ярким глаза засверкали: «Дело выходит плохое! Грозит нам бедою немалой Дерзкая эта поездка его! И могли ль ожидать мы! Нас никого не спросясь, самовольно мальчишка уходит И снаряжает корабль, товарищей выбрав в народе! Станет и в будущем нам он бедой. Пусть уж лучше погубит

Зевс его силу, покамест еще не совсем возмужал он. Дайте же быстрый корабль мне и двадцать товарищей в помощь,

Чтобы, когда возвращаться он будет, устроить засаду И подстеречь его между Итакой и Замом, в проливе. Эти исканья отца не добром ему кончить придется!»

Так он сказал. Изъявили свое одобренье другие,
Тотчас затем поднялись и направились в дом Одиссея.
Но оставалась недолго в неведении Пенелопея,
Что против сына ее женихи замышляют коварно.
Вестник сказал ей Медонт: за оградой двора он
подслушал

Их совещанье, – они ж на дворе свои замыслы ткали.
Быстро пошел он чрез дом, чтобы все сообщить
Пенелопе.

Только сошел он с порога, сказала ему Пенелопа:
«От женихов благородных с каким ты пришел
порученьем?

Чтобы служанкам сказать Одиссея, подобного богу,
Бросить дела и идти поскорее обед им готовить?
Лучше б не сватались, лучше сюда не собирались бы
больше,

В самый последний уж раз бы у нас пообедали нынче!
Как вы собираетесь часто, как губите наше добро здесь, –
Все достояние сына! Ужели, как были детьми вы,
Вам не случалось ни разу от ваших родителей слышать,
Как относился всегда к ним мой муж, Одиссей
богоравный?

Не обижал никого никогда он ни словом, ни делом,
Как для божественных это царей совершенно обычно:
Возненавидят того из людей, а другого возлюбят.
Он же во всю свою жизнь никого из людей не обидел.
Ясно пред всеми ваш дух, недостойные ваши поступки
Вы проявили, в вас нет благодарности к прошлым
заслугам!»

Ей ответил Медонт, разумными мыслями полный:
«Если б лишь это, царица, бедой величайшею было!
Дело другое они замышляют, гораздо ужасней,
Больше гораздо! Не дай им Кронион то дело исполнить!
Острою медью убить замышляют они Телемаха
При возвращении домой. В песчанистый Пилос и в
светлый

Лакедемон он поехал, чтоб там об отце поразведать».
Так он сказал. Ослабели у той и колени и сердце.
Долго ни слова сказать не могла, оборвался цветущий
Голос ее, и мгновенно глаза налилися слезами.

Долго молчала она, пока собралась ответить:
«Вестник, куда же уехал мой сын? Для чего ему было
Плыть куда-то на быстрых судах, что морскими конями
Взрослым служат мужам, пробегая по влаге великой?
Не для того ли, чтоб имя само его в людях исчезло?»

Ей ответил Медонт, разумными мыслями полный:
«Мне неизвестно, внушил ли какой-либо бог ему это,
Или же собственный дух побудил его в Пилос поехать,
Чтоб разузнать об отце, возвратится ли он иль погиб уж».
Так сказав, удалился Медонт через дом Одиссея.

Сердце губящая скорбь охватила ее; не хотелось
Ей на стуле сидеть, хоть и было их в доме немало.
Села она на порог своей прочно построенной спальни,
Горько печалась. Кругом заливались слезами рабыни,
Сколько их ни было в доме, и старые и молодые.

Громко рыдая, сказала рабыням своим Пенелопа:
«Слушайте, милые! Мне лишь из всех, кто возрос и
родился

Одновременно со мной, дал скорби такие Кронион!
Раньше погиб у меня благородный супруг
львинодушный,
Множеством доблестных свойств выдававшийся между
данайцев,
Славой которого полны Эллада и Аргос пространный.
Нынче ж возлюбленный сын мой – куда, неизвестно – из
дома
Бурями прочь унесен. Не слыхала я, как и собрался!
Подлые! Ясно ведь все понимали вы, – как же из вас-то
Не догадалась хотя бы одна разбудить меня тотчас,
Как он на пристань к судну чернобокому из дому вышел!
Если б тогда я узнала, что путь он такой замышляет,
Как бы он в путь ни рвался, но все же бы дома остался
Или меня бы оставил умершею в этом жилище!
Но поскорее ко мне старика позовите Долия,
Данного в слуги отцом мне, когда я сюда отправлялась,
Здесь же за садом моим многодревным смотрящего.
Пусть он Тотчас к Лаэрту бежит и, подсевши, ему все
расскажет.
Может быть, в сердце своем он какое придумает средство
С жалобой выйти к народу, который губить дозволяет
Род и Лаэрта и сына Лаэрта, подобного богу.
Добрая ей Евриклея кормилица так отвечала:
«Милая дочка! Убить меня можешь безжалостной медью
Или же целой оставить, но правды скрывать я не буду.
Было известно мне все. Принесла я, что мне приказал
он, –
Хлеба, вина на дорогу. С меня же великую клятву

Взял он молчать, покамест двенадцатый день не наступит
Или пока ты не спросишь, пока от других не услышишь.
Он опасался, что плачем своей красоте повредишь ты.
Вот что: омывшись и чистой одеждою тело облекши,
Вместе с служанками в верхний покой поднимись и
молитву

Там сотвори пред Афиной, рожденною Зевсом владыкой.
Сына тебе и от смерти самой сохранить она сможет.
Но старика не печаль ты печального. Вовсе не так уж,
Думаю я, ненавистны блаженным бессмертным потомки
Аркезиада. Из них кто-нибудь еще будет владельцем
Дома с высокою кровлей и тучных полей отдаленных».
Так ей сказав, успокоила скорбь и в глазах ей сдержала
Слезы. Омывшись и чистой одеждою тело облекши,
Вместе с служанками в верхний покой поднялась
Пенелопа

И, ячменю положивши в корзинку, взмолилась к Афине:
«Неодолимая дочь Эгиоха Зевеса, внемли мне!
Если когда-либо в доме своем Одиссей многоумный
Тучные бедра коров иль овец сожигал пред тобою,
Вспомни об этом теперь, и милого сына спаси мне,
И отклони от него женихов злоумышленных козни!»
Кончивши, клик издала. И богиня услышала просьбу.
А женихи в это время шумели в тенистом чертоге.
Так не один говорил из юношей этих надменных:
«Свадьбу нам, верно, готовит желанная многим царица!
Мысли же нет у нее, что готовится смерть ее сыну!»
Так не один говорил – и не знал, что готовится вскоре
Им же самим. Обратился ко всем Антиной и воскликнул:

«Что вы, с ума посходили? Заносчивой всяческой речи
Остерегайтесь, чтоб кто вон туда, вовнутрь, не донес бы!
Встанемте в полном молчаньи, отправимся в путь и
исполним

Дело, которое по сердцу всем вам сегодня пришлось».
Так сказал он и двадцать надежнейших спутников
выбрал,

С ними пошел к кораблю и к песчаному берегу моря.
Сдвинули прежде всего в глубину они моря корабль свой,
Мачту потом со снастями на черный корабль уложили,
К кожаным кольцам уключин приладили крепкие весла,
Как полагается все, и потом паруса распустили.
Смелые слуги оружие им принесли. Укрепили
В месте глубоком они свой корабль и сошли с него
наземь;

Там они ужинать сели и позднего вечера ждали.
Тою порой Пенелопа разумная в верхнем покое
Грустно без пищи лежала, еды и питья не вкушая,
Думая все об одном: избегнет ли сын ее смерти
Или от рук женихов злоумышленных примет погибель?
Так же, как лев уstraшенный волнуется, видя, что быстро
Толпы охотников круг перед ним замыкают коварный,
Так и она волновалась. Но сон низошел к ней, и, сладко
К ложу склонясь, задремала она. И печали исчезли.
Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине.
Призрак она создала, похожий на женщину видом,
Старца Икария дочь, сестру Пенелопы Ифтиму,
Взятую замуж Евмелом, имеющим жительство в Ферах.
В дом Одиссея послала тот призрак Паллада Афина,

Чтоб у повергнутой в скорбь, исходящей в слезах
Пенелопы

Горькое он прекратил гореванье и плач многослезный.

В спальню призрак вошел, скользнув вдоль ремня от
затвора,

Стал над ее головой и такое промолвил ей слово:

«Спишь, Пенелопа, печалью себе истерзавшая сердце?

Легкоживущие боги тебе запрещают, царица,

Плакать и мучиться горем. Вернется домой невредимым

Сын твой; ни в чем пред богами бессмертными он не
виновен».

Ей, отвечая, разумная так Пенелопа сказала,

В сладостной лежа дремоте в воротах ночных
сновидений:

«Что это значит, сестра, что сюда ты пришла? Не бывало
Этого раньше. От нас ведь живешь ты не очень-то близко.

Как же ты хочешь, чтоб я прекратила печаль и рыдания,

Жгущие сердце и дух мне с такой нестерпимой силой?

Раньше погиб у меня благородный супруг
львинодушный,

Множеством доблестных свойств выдававшийся между
данайцев,

Славой которого полны Эллада и Аргос просторный.

Нынче ж в судне изогнутом уехал возлюбленный сын
мой,

Юный, еще ни к трудам, ни к беседам совсем не
привыкший.

Больше теперь я о нем сокрушаюсь, чем даже о муже,

Сердцем боюсь и дрожу, чтоб какой с ним беды не

случилось

На море или у тех, в чьей стране ему быть доведется,
Ибо немало врагов на него замышляет худое,
Смерти стремясь предать до его возвращения в отчизну».
Призрак неясный тогда в ответ Пенелопе промолвил:
«Будь смелее, сестра, и сердцем чрезмерно не бойся!
Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий
Муж пожелал, чтоб стояла при нем, ибо все она может, —
Дева Афина. Тебе она в горе твоём сострадает.
Все тебе это сказать она-то меня и послала».
Снова тогда Пенелопа разумная ей отвечала:
«Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То умоляю, открой и его мне печальную участь.
Жив ли еще Одиссей, сияние видит ли солнца
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?»
Призрак неясный тогда в ответ Пенелопе промолвил:
«Точно тебе ничего не скажу о судьбе Одиссея,
Жив ли еще он иль умер. На ветер болтать не годится».
Так он сказал и исчез, скользнувши вдоль двери засова
Легким дыханием ветра. И тотчас от сна пробудилась
Дочь Икария. Радость объяла ей милое сердце, —
Так сновидение ясно пред ней пронеслось среди ночи.
Сев на корабль, женихи дорогою влажною плыли,
В замыслах близкую смерть Одиссееву сыну готовя.
На море остров утесистый есть. Меж Итакой лежит он
И между Замом скалистым. Название ему Астерида.
Он невелик. Для судов две пристани есть там спокойных
С разных сторон. На нем-то в засаде остались ахейцы.

Песнь пятая

Рядом с прекрасным Тифоном в постели проснулася Эос
И поднялась, чтобы свет принести и бессмертным и
смертным.

На совещание боги сошлись. Восседал между ними
Зевс высокогремящий, могуществом самый великий.

Им рассказала Афина про все Одиссеевы беды:

Сильно ее он тревожил своим пребываньем у нимфы.

«Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
Мягким, благим и приветливым быть уж вперед ни
единый

Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца
изгнавши,

Каждый пускай притесняет людей и творит беззаконья,

Если никто Одиссея не помнит в народе, которым

Он управлял и с которым был добр, как отец с
сыновьями.

Много страданий терпя, на острове дальнем, в жилище

Нимфы Калипсо живет он. Она его держит насильно,

И невозможно ему в дорожную отчизну вернуться.

Нет у него многовеслых судов и товарищей верных,

Кто б его мог отвезти по хребту широчайшему моря.

Нынче же милого сына его умертвить замышляют

При возвращении домой. В песчанистый Пилос и в
светлый

Лакедемон он поехал, чтоб там об отце поразведать».
Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:
«Что за слова у тебя чрез ограду зубов излетели,
Милая дочь! Не сама ль ты в рассудке своем порешила,
Как им всем Одиссей отомстит, воротившись в отчизну.
И проводи половчей Телемаха, – ты это ведь можешь, –
Чтобы вполне невредимым он прибыл в отцовскую
землю,
А женихи бы вернулись назад, ничего не достигнув».
Так сказав, обратился он к милому сыну Гермесу:
«Ты и всегда ведь, Гермес, посланником служишь, так вот
что:
Нимфе скажи пышнокосой про твердое наше решение,
Чтоб возвращен был домой Одиссей боестойкий, –
однако
Чтобы никто из богов иль людей ему спутником не был.
Морем, на крепком плоту, перенесши немало страданий,
В день двадцатый до Схерии он доплывет плодородной,
Где обитают феаки, родные бессмертным; и будет
Ими оказана почесть ему, как бессмертному богу.
На корабле отошлют его в милую землю родную,
Меди и золота дав ему кучи и кучи одежды,
Сколько б он ввек не привез из-под Трои, свою
получивши
Долю добычи, когда бы домой невредимым вернулся.
Да! Суждено ему близких увидеть и снова вернуться
В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную».
Так он сказал, и вожатый послушался Аргобийца.
Тотчас к быстрым ногам привязал золотые подошвы

Амвросиальные, всюду его с дуновением ветра
И над землей беспредельной носившие и над водою.
Жезл захватил он, которым глаза усыпляет у смертных,
Если захочет, других же, заснувших, от сна пробуждает.
Аргоубийца могучий с жезлом тем с Олимпа понесся
И, миновав Пиерию, с эфира низринулся к морю.
Низко потом над волнами понесся крылатою чайкой,
Жадно хватаящей рыб в провалах ревущего моря,
Смело во влаге соленой мочащей крепкие крылья.
Чайке подобный, понесся над сильно волнистым он
морем.

После того как на остров далеко лежащий он прибыл,
Вышел на сушу Гермес с фиалково-темного моря.
Шел он, пока не достиг просторной пещеры, в которой
Пышноволосая нимфа жила. Ее там застал он.
На очаге ее пламя большое пылало, и запах
От легкоколькового кедра и благовоний горящих
Остров охватывал весь. С золотым челноком обходила
Нимфа станок, и ткала, и голосом пела прекрасным.
Густо разросшийся лес окружал отовсюду пещеру,
Тополем черным темнея, ольхой, кипарисом душистым.
Между зеленых ветвей длиннокрылые птицы
гнездились –

Копчики, совы, морские вороны с разинутым клювом.
Пищу они добывают себе на морском побережье.
Возле пещеры самой виноградные многие лозы
Пышно росли, и на ветках тяжелые гроздья висели.
Светлую воду четыре источника рядом струили
Близко один от другого, туда и сюда разбегаясь.

Всюду на мягких лужайках цвели сельдерей и фиалки.
Если б на острове этом и бог появился бессмертный,
Он изумился бы, глядя, и был бы восторгом охвачен.
Стал в изумленьи на месте и Аргоубийца-вожатый.
После того как на все с изумленьем Гермес нагляделся,
В грот он пространный вошел. И как только на гостя
взглянула

Нимфа, свет меж богинь, его она тотчас узнала:
Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разделяло пространство.
Но не застал он внутри Одиссея, отважного духом.
Он на скалистом обрыве сидел, как обычно, и плакал,
Стонами дух свой терзая, слезами и горькой печалью.
В даль беспокойного моря глядел он, и слезы лилися.
В ярко блестящее кресло меж тем усадила Гермеса
Нимфа, свет меж богинь, и к нему обратилась с
вопросом:

«Что это? Входит сюда Гермес златожезленный, в дом
мой,

Чтимый всегда, дорогой! Ты не часто меня навещаешь!
Что тебе нужно, скажи: исполнить велит мое сердце,
Если исполнить могу и если исполнить возможно.
Милости просим, войди, чтоб могла тебя угостить я».
Так сказавши, поставила стол перед гостем богиня,
Полный амвросии; нектар ему замешала багряный.
Пил тут и ел, усевшись за стол, убийца Аргоса.
После того как поел и дух укрепил себе пищей,
С речью ответной такую к богине Гермес обратился:
«Бога, богиня, меня о приходе моем вопрошаешь.

Все я правдиво тебе сообщу: ведь сама мне велишь ты.
Зевс приказал мне явиться сюда, хоть сам не желал я.
Кто ж добровольно помчится по этакой шири бескрайной
Моря соленого, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтящего нас, приносящего нам гекатомбы!
Но невозможно веленье эгидодержавного Зевса
Богу другому нарушить иль им пренебречь дерзновенно.
Он говорит, что находится здесь злополучнейший самый
Муж из героев, что девять годов осаждали упорно
Трою, в десятый же, город разрушив, отплыли в отчизну,
При возвращеньи, однако, они раздражили Афину;
Ветер зловредный и волны большие она им послала.
Все его спутники в море погибли, его самого же
К этому острову ветер принес и волны пригнали.
Этого мужа велит он тебе отослать поскорее,
Ибо ему не судьба в отдалении от близких погибнуть,
Но суждено ему близких увидеть и снова вернуться
В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную».
Так он ответил. Калипсо, богиня богинь, ужаснулась
И со словами к нему окрыленными так обратилась:
«Как вы жестоки, о боги, как завистью всех превзошли
вы!
Вы допускать не хотите, чтоб ложем законным богини
Соединялись с мужами, чтоб женами им они были.
Так розоперстая Эос себе избрала Ориона.
Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
Гнали, пока златотронной и чистою он Артемидой
Нежной стрелою внезапно в Ортигии не был застрелен.
Так с Язионом Деметра на трижды распаханной нови

Соединилась любовью и ложем, послушавшись сердца.
Очень недолго об этом в неведении Зевс оставался.
Молнией он Язиона убил ослепительно белой.
Так же и мне не даёте вы, боги, остаться со смертным.
Я его в море спасла, когда одиноко сидел он
На опрокинутом киле. Корабль его молнией белой
Надвое Зевс расколол посреди винно-чермного моря.
Все остальные его товарищи в море погибли,
А самого его ветер и волны сюда вот пригнали.
Я любила его и кормила, надеялась твердо
Сделать бессмертным его и бесстаростным в вечные
веки.
Так как, однако, нельзя повеленье великого Зевса
Богу другому нарушить иль им пренебречь, то пускай же,
Раз того требует этот, – пускай в беспокойное море
Едет. Но спутников дать ему никаких не могу я:
Нет у меня многовеслых судов и товарищей верных,
Кто б его мог отвезти по хребту широчайшему моря.
Что ж до советов, охотно я дам их ему и не скрою,
Как ему невредимым вернуться в отцовскую землю».
Аргоубийца-вожатый на это богине ответил:
«Значит, его отпусти! Трепещи перед Зевсовым гневом.
Иначе тяжко тебе почувствовать гнев тот придется».
Аргоубийца могучий, сказав это ей, удалился.
Нимфа-владычица, только Зевесов приказ услышала,
Тотчас направила шаг к Одиссею, отважному духом.
Он на обрыве над морем сидел, и из глаз непрерывно
Слезы лились. В печали по родине капля за каплей
Сладкая жизнь уходила. Уж нимфа не нравилась больше.

Ночи, однако, в постели он с ней проводил поневоле
В гроте глубоком ее, – нежелавший с желавшею страстно.
Все же дни напролет на скалах и у моря сидел он,
Стонами дух свой терзая, слезами и горькой печалью.
В даль беспокойного моря глядел он, и слезы лилися.
Близко свет меж богинь к нему подошла и сказала:
«Будет, злосчастный, тебе у меня горевать неутешно!
Не сокращай себе жизни. Охотно тебя отпускаю.
Вот что ты сделаешь: бревен больших нарубивши, в
широкий
Плот их сколотишь, помост на плоту там устроишь
высокий,
Чтобы нести тебя мог через мгlisto-туманное море.
Я ж тебя хлебом, водою и красным вином на дорогу
Щедро снабжу, чтобы голод они от тебя отвращали.
В платье одену тебя и пошлю тебе ветер попутный,
Чтобы вполне невредимым ты прибыл в отцовскую
землю,
Если того пожелают царящие в небе широком
Боги, которые выше меня и в решении и в деле».
Так говорила. И в ужас пришел Одиссей многостойкий.
Голос повысив, он к ней обратился со словом крылатым:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а что-то другое, богиня!
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшного, бурного моря, когда и корабль
быстроходный,
Радуюсь Зевсову ветру, ее нелегко проплывает?
Раз ты сама не желаешь, на плот ни за что не взойду я,
Если ты мне не решишься поклясться великою клятвой,

Что никакого другого несчастья мне не замыслишь». Так он сказал. И в ответ улыбнулась пресветлая нимфа, Глядя рукою, его назвала и так говорила:

«Ну, и хитер же ты, милый, и тонко дела понимаешь, Раз обратиться ко мне с такою надумался речью! Пусть мне свидетели будут земля и широкое небо, Стиксовы воды, подземно текущие, – клятва, ужасней И нерушимей которой не знают блаженные боги, – Что никакого другого несчастья тебе не замыслю, Что о тебе непрерывно заботиться буду и думать, Как о самой бы себе, если б это со мной приключилось. Не лишено и мое справедливости сердце, и, право, Дух в груди у меня не железный и ведает жалость». Кончив, свет меж богинь пошла впереди Одиссея, Быстро шагая, за нею же следом и он устремился. В грот они оба глубокий вошли – богиня и смертный. Он уселся на кресло, какое недавно оставил Аргоубийца-вожатый, а нимфа пред ним разложила Всякую пищу, какою питаются смертные люди. Села сама пред равным богам Одиссеем, и нимфе Подали в пищу служанки амвросию с нектаром сладким. Руки немедленно к пище готовой они протянули. После того как пьем и едою вполне насладились, Нимфа, свет меж богинь, начала говорить Одиссею: «Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый! Значит, теперь же, сейчас, ты желаешь домой воротиться В землю родную... Ну, что ж! Пусть боги пошлют тебе радость!

Если бы сердцем, однако, ты ведал, какие напасти

До возвращения домой перенести суждено тебе роком,
Здесь бы вместе со мною ты в этом жилище остался,
Стал бы бессмертным! Но рвешься ты духом в родимую
землю,

Чтобы супругу увидеть, по ней ты все время тоскуешь.
Право, могу похвалиться, – нисколько ни видом, ни
ростом

Не уступлю я супруге твоей. Да и можно ль с богиней
Меряться женщине смертной земною своей красою?»

Нимфе Калипсо в ответ сказал Одиссей многоумный:

«Не рассердись на меня, богиня-владычица! Знаю
Сам хорошо я, насколько жалка по сравнению с тобою
Ростом и видом своим разумная Пенелопея.

Смертна она – ни смерти, ни старости ты не подвластна.

Все ж и при этом желаю и рвусь я все дни непрерывно

Снова вернуться домой и день возвращения увидеть.

Если же кто из бессмертных меня сокрушит в винно-
чермном

Море, я вытерплю то отверделою в бедствиях грудью.

Много пришлось мне страдать, и много трудов перенес я

В море и в битвах. Пускай же случится со мною и это!»

Так говорил он. А солнце зашло, и сумрак спустился.

Оба в пещеру вошли, в уголок удалились укромный

И насладились любовью, всю ночь проводя неразлучно.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Тотчас плащ и хитон надел Одиссей богоравный,

Нимфа ж сама облеклась в серебристое длинное платье,

Тонкое, мягкое, – пояс прекрасный на бедра надела

Весь золотой, на себя покрывало накинула сверху.

После того занялась отправкаю в путь Одиссея.
Медный вручила топор, большой, по руке его точно
Сделанный, острый с обеих сторон, насаженный плотно
На топорище из гладкой оливы, прекрасное видом;
Также топор для тесанья дала и потом Одиссея
В дальнее место свела, где были большие деревья –
Черные тополи, ольхи, до неба высокие сосны –
Давний все сухостой, чтобы легки для плаванья были.
Место ему указавши, где были большие деревья,
Нимфа Калипсо, свет меж богинями, в дом воротилась.
Начал рубить он деревья. И быстро свершалось дело.
Двадцать стволов он свалил, очистил их острою медью,
Выскоблил гладко, потом уравнил, по шнуру обтесавши.
Нимфа Калипсо меж тем бурав принесла Одиссею.
Бревна он все просверлил и приладил одно ко другому,
Брусьями бревна скрепил и клинья забил между ними.
Точно такого размера, какого обычно готовит
Дно корабля грузового кораблестроитель искусный, –
Сделал такой ширины свой плот Одиссей многоумный.
После того над плотом помост он устроил, уставив
Часто подпорки и длинные доски на них постеливши.
Мачту в середине поставил, искусно к ней рею привесил,
Чтобы плотом управлять, и руль к нему крепкий
приладил.
Сделал потом по краям загородку из ивовых прутьев,
Чтоб защищала от волн, и лесу немало насыпал.
Нимфа, свет меж богинь, холста принесла, чтобы сделать
Парус на плот. Одиссей изготовил прекрасно и это.
К парусу брасы потом подвязал, и фалы, и шкоты,

Плот потом рычагами спустил на священное море.
День четвертый пришел, и кончено было с работой.
В пятый день Одиссея отправила нимфа в дорогу,
Платьем одевши его благовонным и вымывши в ванне.
Мех один ему с черным вином на плот положила,
Больших размеров другой – с водою, в мешке же из
кожи –

Хлеба, а также в большом изобилии различных припасов.
Ветер попутный послала ему, не вредящий и мягкий.
С радостным духом он ветру свой парус подставил и
поплыл.

Сидя на крепком плоту, искусной рукою все время
Правил рулем он, и сон на веки ему не спускался.
Зорко Плеяд наблюдал он и поздний заход Волопаса,
Также Медведицу – ту, что еще называют Повозкой.
Ходит по небу она, и украдкой следит Ориона,
И лишь одна непричастна к купанью в волнах Океана.
С нею Калипсо, свет меж богинь, Одиссею велела
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Целых семнадцать уж дней он по морю путь совершал
свой.

На восемнадцатый день показались тенистые горы
Края феаков, совсем невдали от пловца. Походили
В море мглисто-туманном на щит боевой эти горы.
От эфиопов меж тем возвращался Земли Колебатель.
Издалека уж, с Солимских он гор приметил, как море
Переплывал Одиссей. Сильней он разгневался сердцем
И, покачав головой, обратился с такой к себе речью:
«Что это значит? Ужели решили насчет Одиссея

Боги иначе, как только в страну эфиопов я отбыл?
Он уже близок к земле феакийской, где должен избежать
Крепкой петли тех несчастий, которые терпит все время.
Но еще досыта горя надеюсь ему я доставить».

Быстро он тучи собрал и море до дна взбудоражил,
В руки трезубец схватив. И разом воздвигнул порывы
Самых различных ветров и тучами землю и море
Густо окутал. Глубокая ночь ниспустилася с неба,
Евр столкнулись и Нот, огромные волны вздымая,
И проясняющий небо Борей, и Зефир быстровеинный.
У Одиссея расслабили колени и милое сердце,
В сильном волнении сказал своему он отважному духу:
«Горе, несчастному мне! О, чем же все кончится это?
Страшно боюсь я, что всю сообщила мне правду богиня,
Мне предсказавши, что множество бед претерплю я на
море,
Прежде чем дома достигну. И все исполняется нынче.
Сколькими тучами вдруг обложил беспредельное небо
Зевс! Возмутил он все море, сшибаются яро друг с
другом
Вихри ветров всевозможных. Моя неизбежна гибель!
Трижды блаженны данайцы – четырежды! – те, что в
пространном
Крае троянском нашли себе смерть, угождая Атридам!
Лучше бы мне умереть и судьбу неизбежную встретить
Было в тот день, как в меня неисчетные толпы троянцев
Сыпали медные копья над трупом Пелеева сына!
С честью б я был погребен, и была б от ахейцев мне слава.
Нынче же жалкою смертью приходится здесь мне

погибнуть».

Так говорил он. Внезапно волна исполинская сверху
С страшным обрушилась шумом на плот и его закрутила.
Сам он далеко упал от плота, из руки ослабевшей
Выпустив руль. Пополам разломилась на самой середине
Мачта от страшного вихря различных сшибавшихся
ветров.

В море далеко снесло и помост и разорванный парус.
Сам Одиссей под водой очутился. Мешал ему сильно
Вынырнуть тотчас напор вздымавшихся волн
исполинских.

Сильно одежда мешала, ему подаренная нимфой.
Вынырнул он наконец из пучины, плюясь непрерывно
Горько-соленой водою, с его головы нистекавшей.
Как ему ни было трудно, но все ж о плоте не забыл он.
Вплывь через волны за ним погнался, за него ухватился
И в середине уселся плота, убегая от смерти.

Плот волна и туда и сюда по течению носила.

Так же, как северный ветер осенний гоняет равниной
Стебли колючие трав, сцепившихся крепко друг с
другом,

Так же и плот его ветры по бурному морю гоняли.

То вдруг Борею бросал его Нот, чтобы гнал пред собою,
То его Евр отдавал преследовать дальше Зефиру.

Кадмова дочь Левкотея, прекраснолодыжная Ино,

Тут увидала его. Сначала была она смертной,

Нынче же в безднах морских удостоилась божеской
честьи.

Стало ей жаль Одиссея, как, мучась, средь волн он

носился.

Схожая летом с нырком, с поверхности моря вспорхнула,
Села на плот к Одиссею и слово такое сказала:

«Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно
Зол на тебя, что так много несчастий тебе посылает?

Но совершенно тебя не погубит он, как ни желал бы.

Вот как теперь поступи – мне не кажешься ты
неразумным.

Скинувши эту одежду, свой плот предоставь произволу
Ветров и, бросившись в волны, работая крепко руками,
Вплывь доберися до края феаков, где будет спасенье.

На! Расстели на груди покрывало нетленное это.

Можешь с ним не бояться страданье принять иль
погибнуть.

Только, однако, руками за твердую схватишься землю,
Тотчас сними покрывало и брось в винно-чермное море,
Сколько возможно далеко, а сам отвернися при этом».

Так сказавши, ему отдала покрывало богиня

И погрузилась обратно в волнами кипевшее море,

Схожая видом с нырком. И волна ее черная скрыла.

Начал тогда размышлять про себя Одиссей
многостойкий.

Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:

«Горе мне! Очень боюсь я, не ткет ли мне новую хитрость
Кто из бессмертных богов, мне советуя плот мой
оставить.

Нет, не послушаюсь я! Еще далеко, я заметил,

Берег земли, где, сказала она, мне прибежище будет.

Дай-ка, я так поступлю, – и будет всего это лучше:

Время, пока еще крепко в плоту моем держатся бревна,
Буду на нем оставаться и все выносить терпеливо.
После того же как волны свирепые плот мой разрушат,
Вплавь я пушусь: ничего уж тогда не придумаешь
лучше!»

Но между тем как и сердцем и духом об этом он думал,
Поднял большую волну Посейдаон, земли колебатель,
Страшную, с верхом нависшим, и в плот Одиссея ударил.
Так же, как вихрь, налетевший на кучу сухую соломы,
В разные стороны мигом разносит по воздуху стебли,
Так весь плот раскидала волна. За бревно уцепившись,
Как на коня скакового, верхом на него он уселся.

Скинул одежду с себя, что ему подарила Калипсо,
Грудь себе быстро одел покрывалом богини и, руки
Вытянув, вниз головой в бушевавшее кинулся море,
Плыть собираясь. Увидел его Земледержец-владыка,
И головою повел, и сказал про себя, усмехаясь:
«Плавай теперь, настрадавшись, по бурному морю,
покуда

К людям, питомцам Зевеса, в конце ты концов не
прибудешь.

Тем, что случилось, и так не останешься ты недоволен!»
Так он сказал и, хлестнувши бичом лошадей
длинногривых,

В Эги вернулся к себе, где дворец у него знаменитый.
Новая мысль тут пришла Афине, рожденной Зевесом.
Загородила богиня дороги ветрам бушевавшим,
Всем приказала им дуть перестать и спокойно улечься,
Только Борея воздвигла. И спереди срезала волны,

Чтоб наконец Одиссей, от богов происшедший,
достигнул

Веслолюбивых феаков, и Кер избежавши и смерти.

Долго, два дня и две ночи, по сильной волне он носился,
Сердцем смущенным не раз пред собою уж видя
погибель.

Третий день привела за собой пышнокосяя Эос.

Ветер тогда прекратился, и море безветренной гладью
Пред Одиссеем простерлось. Высоко взнесенный
волною,

Зорко вперед заглянул он и землю вблизи вдруг увидел.

С радостью точно такую, с какою относятся дети

К выздоровлению отца, который в тяжелой болезни,

Богом враждебным сраженный, лежал и чах все сильнее,

После же боги, на радость им всем, исцеляют больного, —

Радость такую же вызвали лес и земля в Одиссее.

Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.

Столько, однако, проплывши, за сколько кричащего
мужа

Можно услышать, он шум услышал у прибрежных утесов.

Волны прибоя кипели, свирепо на берег высокий

С моря бросаясь, и весь был он облит соленою пеной.

Не было заводи там — защиты судов — иль залива,

Всюду лишь кручи виднелись, суровые скалы и рифы.

У Одиссея ослабли колени и милое сердце.

В сильном волнении сказал своему он отважному духу:

«Горе великое! Дал мне увидеть нежданную землю

Зевс, переплыл невредимо я эту пучину морскую,

Но никакого мне выхода нет из моря седого.

Острые скалы повсюду. Бушуют вокруг, расшибаясь,
Волны, и гладкой стеной возвышается берег высокий.
Море у берега очень глубоко; никак невозможно
Дна в нем ногами достать и гибели грозной избегнуть.
Если пристать попытаюсь, то волны, меня подхвативши,
Бросят на твердый утес, и окажется тщетной попытка.
Если ж вдоль берега я поплыву и найти попытаюсь
Где-нибудь тихую заводь морскую иль берег отлогий, —
Сильно боюсь я, чтоб буря, внезапно меня подхвативши,
Не унесла в многорыбное море, стнящего тяжко,
Иль чтоб не выслало мне божество одного из огромных
Чудищ из моря, питаемых в нем Амфитритой славной.
Знаю ведь я, как сердит на меня Посейдон-земледержец». —
Но между тем как рассудком и духом он так колебался,
Вдруг понесен был огромной волной он на берег
скалистый.

Кожу бы всю там содрал он и кости себе раздробил бы,
Если бы вот чего в сердце ему не вложила Афина:
Прыгнув, руками обеими он за скалу ухватился.
Там он со стоном висел, покамест волна не промчалась.
Так он ее избежал. Но вдруг, отразившись обратно,
Снова его она сшибла, далеко отбросивши в море.
Если полипа морского из домика силою вырвать,
Видно на щупальцах много приставших к ним камней
мельчайших;

Так же и к твердому камню утеса пристала вся кожа
С рук Одиссея. Его же волна с головою покрыла.
Тут бы, судьбе вопреки, и погиб Одиссей несчастливый,
Если б присутствия духа в него не вложила Афина.

Вынырнув вбок из ревущей волны, набегавшей на скалы,
Поплыл вдоль берега он и на землю глядел, не найдется
ль

Где-нибудь тихая заводь морская иль берег отлогий.
Вдруг, плывя, добрался он до устья реки светлоструйной.
Самым удобным то место ему показалось: свободно
Было оно и от скал и давало защиту от ветра.

Сразу узнал он впадение потока и духом взмолился:
«Кто бы ты ни был, владыка, внемли мне! Молюсь тебе
жарко,

От Посейдоновых страшных угроз убегая из моря.
Даже в глазах у бессмертных достоин почтения странник,
Их о защите молящий, – вот так, как теперь,
пострадавший,

Я к теченьям твоим и коленям твоим припадаю!
Сжался, владыка! Горжусь, что тебя о защите молю я!»

Тотчас течение поток прекратил и волну успокоил.
Гладкою сделал поверхность пред ним и спас его этим
Около устья реки. Подкосились колени и руки
У Одиссея. Совсем его бурное море смирило.

Все его тело распухло; морская вода через ноздри
И через рот вытекала, а он без сознания, безгласный
И бездыханный лежал: в усталости был он безмерной.

После того как очнулся, и дух в его сердце собрался,
Прежде всего отвязал он с себя покрывало богини
И покрывало пустил по реке, впадающей в море.

Быстро оно на волнах понеслось по течению, и в руки
Ино его приняла. И выбрался он из потока,
Лег в тростнике и к земле плодоносной припал поцелуем.

Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:
«Что ж это будет со мной? И чем все кончится это?

Если возле реки тревожную ночь проведу я,
Сгину я здесь, укрошенный холодной росой и вредным
Инеем: обморок сделал совсем нечувствительным дух
мой.

Воздухом веет холодным с реки с приближением утра.
Если ж на холм я взойду и в этой вон роще тенистой
В частых лягу кустах, и прозяблость меня и усталость
Там покинут, и сон усладительный мной овладеет, —
Как бы, боюсь я, не стать для зверей мне добычей и
пищей!»

Вот что, в уме поразмыслив, за самое лучшее счел он:
К роще направил свой путь. Она на пригорке открытом
Близко лежала от речки; пробрался под куст он двойной
там

Сросшихся крепко друг с другом олив — благородной и
дикой.

Не продувала их сила сырая бушующих ветров,
Не пробивало лучами палящими яркое солнце,
Не проникал даже до низу дождь, до того они густо
Между собою ветвями сплелись. Одиссей погрузился
В эти кусты и под ними нагреб себе тотчас руками
Мягкое ложе из листьев опавших, которых такая
Груда была, что и двое и трое б могли в ней укрыться
В зимнюю пору, какую суровой она ни была бы.
В радость пришел, увидавши ее, Одиссей многостойкий.
Листья он в кучу нагреб и сам в середину забрался,
Так же как в черную золу пастух головню зарывает

В поле далеком, где нет никого из людей по соседству,
Семя спасая огня, чтоб огня не просить у другого.
В листья так Одиссей закопался. Паллада Афина
Сон на него излила, чтоб его от усталости тяжелой
Освободил он скорей, покрыв ему милые веки.

Песнь шестая

Так отдыхал многостойкий в беде Одиссей богоравный,
Сном и усталостью тяжелой смиренный. Паллада Афина
Путь свой направила в землю и в город мужей
феакийских.

Жили в прежнее время они в Гиперее пространной
Невдалеке от циклопов, свирепых мужей и надменных,
Силою их превышавших и грабивших их беспрестанно.
Поднял феаков тогда и увел Навсифой боговидный
В Схерию, вдаль от людей, в труде свою жизнь
проводящих.

Там он город стенами обвел, построил жилища,
Храмы воздвигнул богам и поля поделил между граждан.
Керой, однако, смиренный, уж в царство Аида сошел он,
И Алкиной там царил, от богов свою мудрость имевший.
В дом-то к нему и пошла совоокая дева Афина,
В мыслях имея своих возвращенье домой Одиссея.
В спальню прекрасной постройки она поднялася, в
которой

Дева спала, на бессмертных похожая ростом и видом,
Милая дочь Алкиноя, феаков царя, Навсияка.

Там же двое прислужниц, красу от Харит получивших,
Спали с обеих сторон у запертой двери блестящей.
К ложу ее пронеслась, как дыхание ветра, Афина,
Стала в ее головах и с такой обратилась к ней речью,

Дочери образ приняв мореходца Диманта, с которой
Сверстницей дева была и которую очень любила.

Образ принявши ее, сказала Паллада Афина:

«Вот беззаботной какой родила тебя мать, Навсикая!

Без попеченья лежит одежда блестящая в доме,

Брак же твой близок, когда и самой тебе надо одетой

Быть хорошо и одеть, кто с тобою на свадьбу поедет.

Добрая слава опрятно одетых людей провожает,

С радостью смотрят на них и отец и почтенная мать.

Ну-ка, давай, поедem стирать с наступлением утра.

Вместе с тобой я пойду помогать тебе, чтоб поскорее

Дело окончить. Недолго уж в девах тебе оставаться.

Взять тебя замуж хотят наиболее знатные люди

В крае феаков, где ты и сама ведь из знатного рода.

С ранней зарей попроси отца многославного тотчас

Мулов с повозкой велеть снарядить, чтоб сложить на
повозку

Все пояса, покрывала блестящие, женские платья.

Лучше тебе и самой поехать на ней, чем ногами

Пешей идти: водоемы от города очень далеко».

Так сказав, на Олимп отошла совоокая дева,

Где, говорят, нерушима – вовеки – обитель бессмертных.

Ветры ее никогда не колеблют, не мочат водою

Струи дождя, не бывает там снега. Широкое небо

Вечно безоблачно, вечно сиянием светится ясным.

Там для блаженных богов в наслажденьях все дни
протекают.

Дав указанья царевне, туда удалилась Афина.

Эос вскоре пришла пышнотронная и Навсикаю

Вмиг пробудила от сна. Изумилась она сновиденью,
По дому быстро пошла, чтоб родителям сон рассказать
свой.

Мать и отца – обоих внутри она дома застала.

Мать пред огнем очага сидела средь женщин служанок,
Пряжу прядя из морского пурпура. Там и отец ей
Встретился. Шел он как раз на совет благородных
старейшин;

Был он на этот совет феаками славными позван.

Близко пред милым родителем став, Навсикая сказала:

«Милый отец мой, вели-ка высокую дать мне повозку
Прочноколесную. На реку в ней я хотела б поехать
Выстирать нашу одежду – лежит у меня она грязной.
Ведь и тебе самому в собраньях мужей знаменитых
На совещаеньях сидеть подобает в чистой одежде.

Кроме того, пятерых сыновей ты имеешь в чертогах –
Двух женатых и трех холостых, цветущих годами.

Эти желают всегда ходить в свежевывмытых платьях
На хороводы. А думать приходится мне ведь об этом».

Так говорила она. Но про брак ожидаемый стыдно
Было сказать ей отцу. Догадался он сам и ответил:

«Не откажу я тебе ни в мулах, дитя, ни в другом чем.
В путь отправляйся. Рабы же заложат повозку большую,
Прочноколесную; будет и кузов на ней для поклажи».

Так сказавши, рабам приказал он, и те ему вняли.

Вышедши из дому вон, снарядили повозку для мулов
Прочноколесную, мулов в нее запрягли крепконогих,
Из кладовой Навсикая с одеждой блестящею вышла
И уложила ее в скобленную гладко повозку.

Мать ей обильно в плетеной корзине еды уложила
Всякой, прибавила разных запасов, вина налила ей
В козий мех. На повозку с бельем поднялась Навсикая,
С маслом душистым сосуд золотой дала ей Арета,
Чтобы сама она маслом натерлась и жены-служанки.
В руки блестящие вожжи и бич взяла Навсикая.
Мулов бичом погнала. Затопав, они побежали.
С топотом дробным бежали, одежду везя и царевну,
Вслед за повозкой прекрасной прислужницы шли
остальные.

Вскоре достигли они прекраснотрующей речки.
Были всегда там водой водоемы полны. Из-под низу
Била обильно вода, всевозможную грязь отмывая.
Выпрягли мулов они из повозки, доехав до места,
Мулов пустили на берег реки, водовертью богатой,
Сочной, медвяной травой питаться, а сами с повозки
Сняли руками белье и бросили в черную воду.
В яме топтали его, соревнуясь друг с другом в
проворстве.

Вымыв белье и очистив его хорошо от всей грязи,
Ряд за рядом его разостлали по берегу моря,
Где всего более галька морскою волной обмывалась.
После того, испугавшись и густо намазавшись маслом,
Сели обедать они у самого берега речки,
Все же белье, что стирали, на солнце оставили сохнуть.
Пищей когда насладились, – царевна сама и служанки, –
В мяч они стали играть, поскидавши с себя покрывала.
С песней в игру повела белорукая их Навсикая.
Как стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида

Мчится по длинным хребтам Ериманфа-горы иль
Тайгета,
Радуюсь сердцем на вепрей лесных и на быстрых оленей;
Там же и нимфы полей, прекрасные дочери Зевса,
Следом за нею несутся. И сердцем Лето веселится:
Выше всех ее дочь головой и лицом всех прекрасней, –
Сразу узнать ее можно, хотя и другие прекрасны.
Так меж своих выделялась подруг незамужняя дева.
Ехать обратно домой собиралась уже Навсикая,
Вымыв прекрасные платья и мулов в повозку запрягши.
Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине:
Чтоб Одиссей, пробудившись, увидел прекрасную деву
И чтобы девушка та провела его в город феаков.
Бросила мяч в это время одной из прислужниц царевна,
Но промахнулась в нее, а попала в глубокую воду.
Вскрикнули громко они. Одиссей богоравный проснулся,
И поднялся, и раздумывать начал рассудком и духом:
«Горе! В какую страну, к каким это людям попал я?
К диким ли, духом надменным и звать не желающим
правды
Или же к гостеприимным и с богобоязненным сердцем?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался
голос.
Что это, нимфы ль играют, владелицы гор крутоглавых,
Влажных, душистых лугов и истоков речных потаенных?
Или достиг наконец я жилища людей говорящих?
Дай-ка, однакоже, сам я пойду, – посмотрю и узнаю».
Так сказав, из кустов поднялся Одиссей богоравный.
В частом кустарнике выломал он мускулистой рукою

Свежую ветку и ею срамные закрыл себе части.
Как в своей силе уверенный лев, горами вскормленный,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
В стадо быков иль овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу. Его принуждает желудок
Даже врываться в загон, чтоб овцу за оградой похитить.
Вышел так Одиссей из кустарника. Голым решился
Девушкам он густокосым явиться: нужда заставляла.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной.
Бросились все врассыпную, спасаясь на мысы над морем.
Только осталась одна Алкиноева дочь: ей вложила
В сердце смелость Афина и вынула трепет из членов.
Остановилась она перед ним: Одиссей колебался:
Пасть ли с мольбой перед девою прекрасной, обняв ей
колени,

Или же издали с мягкою речью, с мольбой обратиться
К деве, чтоб город ему указала и платье дала бы?
Вот что, в уме поразмыслив, за самое лучшее счел он:
Не подходя, умолять ее мягкими только словами,
Чтоб не обидеть девичьего сердца, обняв ей колени.
Тотчас к ней обратился он с мягким, рассчитанным
словом:

«Смертная ль ты иль богиня, – колени твои обнимаю!
Если одно из божеств ты, владеющих небом широким,
Я бы сказал: с Артемидой, великою дочерью Зевса,
Больше всего ты сходна и ликом, и видом, и ростом.
Если же смертная ты и здесь на земле обитаешь, –
Трижды блажен твой отец, и мать твоя трижды блаженна,
Трижды блаженны и братья! Каким согревающим

счастьем

Из-за тебя их сердца непрерывно должны исполняться,

Глядя, как отпрыск цветущий такой идет в хороводы.

Тот, однако, средь всех остальных несравненно блаженней,

Кто тебя в дом свой введет, других превзошедши дарами.

Смертных, подобных тебе, не видал до сих пор никогда я

Ни средь мужчин никого, ни средь жен, — изумляюсь я, глядя!

Близ алтаря Аполлона на Делосе в давнее время

Видел такую же я молодую и стройную пальму.

Я ведь и там побывал с толпою товарищей верных,

Ехав дорогой, в которой так много ждало меня бедствий!

Вот и тогда, увидавши ее, я стоял в изумленье

Долго: такого ствола на земле не всходило ни разу!

Так и тебе я, жена, изумляюсь. Но страшно боюсь я

Тронуть колени твои. Тяжелой бедой я постигнут.

Только вчера удалось убежать мне от темного моря.

Двадцать до этого дней от Оигии острова гнали

Бури и волны меня. Зброшен теперь и сюда я

Богом, чтоб новым напастям подвергнуться. Верно, не скоро

Будет конец им. Немало еще их доставят мне боги.

Жалость яви, госпожа! Претерпевши несчетные беды,

К первой к тебе я прибег. Из других ни один мне неведом

Смертный, кто в городе этом; кто в этой стране обитает.

К городу путь укажи мне и дай мне на тело накинуть

Лоскут, в какой ты белье завернула, сюда отправляясь.

Пусть тебе боги дадут, чего и сама ты желаешь, —

Мужа и собственный дом, чтобы в полном и дружном согласии

Жили вы с мужем: ведь нет ничего ни прекрасней, ни лучше,

Если муж и жена в любви и в полнейшем согласии

Дом свой ведут – в утешенье друзьям, а врагам в огорченье;

Больше всего ж они сами от этого чувствуют счастье».

Так Одиссею в ответ белорукая дева сказала:

«Странник! На мужа худого иль глупого ты не походишь. Счастье Зевес меж людей благородного ль, низкого ль рода

Распределяет, кому пожелает, по собственной воле.

То, что послал и тебе он, ты вытерпеть должен отважно.

Нынче же, раз к нам сюда ты приходишь, в наш город и в край наш,

Ты ни в одежде нужды не увидишь, ни в чем-либо прочем,

Что несчастливцам мы встречным даем, о защите молящим.

Город тебе покажу. Назову и людей, в нем живущих.

Городом этим и этой землею владеют феаки.

Дочерью я прихожусь Алкиною, высокому духом;

Держится им у феаков могущество их и величье».

Так сказав, приказала подругам своим густокосым:

«Стойте, подруги! Куда разбежались вы, мужа увидев?

Можно ли было подумать, что враг между нами явился?

Нет средь живых человека такого – и нет и не будет,

Кто бы в стране феакийских мужей дерзнул появиться

С целью враждебной: слишком нас любят бессмертные боги.

Здесь мы живем, ото всех в стороне, у последних пределов

Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.

Здесь же стоит перед нами скиталец какой-то несчастный.

Нужно его приютить: от Зевса приходит к нам каждый Странник и нищий. Хотя и немного дадим, но с любовью.

Дайте ж, подруги мои, поесть и попить чужеземцу

И искупайте его на реке, где потише от ветра».

Остановились подруги, одна ободряя другую;

В месте затишном его посадили, как им приказала

Дочь Алкиноя, могучего сердцем, сама Навсикая.

Плащ и хитон перед ним положили, чтоб мог он одеться,

Нежное масло в сосуде ему золотом передали

И предложили в прекраснотруистой реке искупаться.

Так обратился тогда Одиссей богоравный к служанкам:

«Станьте, прислужницы, так вот, подальше, чтоб сам себе мог я

Плечи от грязи отмыть и тело намазать блестящим

Маслом; давно уж оно моего не касалось тела.

А перед вами я мыться не стану. Мне было бы стыдно

Голым стоять, очутившись средь девушек в косах прекрасных».

Так говорил он. Они, удалившись, сказали царевне.

Черпая воду из речки, отмыл Одиссей богоравный

С тела всю грязь, у него покрывавшую плечи и спину.

И с головы своей счистил насевшую пену морскую.

После того как он вымылся весь и намазался маслом,
Также и платье надел, что дала незамужняя дева,
Сделала дочь Эгиоха Зевеса, Паллада Афина,
Выше его и полнее на вид, с головы же спустила
Кудри густые, цветам гиацинта подобные видом.
Как серебро позолотой блестящею кроет искусный
Мастер, который обучен Гефестом и девой Афиной
Всякому роду искусств и прелестные делает вещи, —
Прелестью так и Афина всего Одиссея покрыла.
В сторону он отошел и сел на песок перед морем,
Весь красотою светясь. В изумлении дева глядела
И к густокосым служанкам с такой обратилась речью:
«Вот что, подружки мои белорукие, я сообщу вам:
Не против воли богов, Олимпом владеющих светлым,
Муж этот здесь очутился, средь богоподобных феаков.
Мне показался сперва незначительным он человеком,
Вижу теперь, что похож на богов он, владеющих небом.
Если б такого, как он, получить мне супруга, который
Здесь бы у нас обитал и охотно у нас бы остался!
Дайте, однако, подружки, поесть и попить чужеземцу».
Так сказала. Охотно приказу они подчинились,
Пред Одиссеем еду и питье поставили тотчас.
Жадно взялся за питье и еду Одиссей многостойкий:
Очень давно ничего уж не ел, ничего и не пил он.
Новая мысль между тем белорукой пришла Навсикае.
Выгладив, что постирала, в повозку белье уложила,
Крепкокопытных впрягла в нее мулов, сама в нее стала
И, ободрить Одиссея стараясь, к нему обратилась:
«Встань, чужеземец, и в город иди! Тебя провожу я

К дому отца Алкиноя разумного. Там ты увидишь,
Думаю я, наилучших, знатнейших людей из феаков.
Вот как теперь поступи – мне не кажешься ты
неразумным:

Время, пока проезжать чрез поля и чрез нивы мы будем, –
Все это время за мулами вслед со служанками вместе
Быстро иди. А дорогу сама я указывать буду.

В город когда мы придем... Высокой стеной обнесен он
С той и другой стороны – превосходная гавань, но сужен
К городу вход кораблями двухвостыми: справа и слева
Берег ими уставлен, и каждый из них под навесом.

Вкруг Посейдонова храма прекрасного там у них
площадь.

Вкопаны в землю на ней для сиденья огромные камни.
Запасены там для черных судов всевозможные снасти –
И паруса, и канаты, и гладко скобленные весла.

Ибо феакам нужны не колчаны, не крепкие луки,
Надобны им корабли равнобокие, весла и мачты;
Радуюсь им, испытуют они гладь моря седого.

Толков враждебных хочу избежать я, чтоб в спину
насмешки

Мне не пустил кто-нибудь. Наглецов у нас много в
народе.

Кто-нибудь скажет из худших, меня повстречавши с
тобою:

– Что там за странник, большой и красивый, идет с
Навсикаей?

Где его дева нашла? Не будет ли ей он супругом?

Кто он? Морскою ли бурю к нам занесенный из дальних

Стран человек? Ведь вблизи от себя мы не знаем народов.
Или же бог к ней какой по молитвам ее неотступным
С неба спустился и будет теперь обладать ею вечно?
Лучше б, уехав отсюда, она себе мужа сыскала
В странах других. Оскорбляет жестоко она здесь феаков
Многих и знатных, желавших ее получить себе в жены! —
Так они скажут. Большим для меня это будет позором.
В негодование и я бы пришла, поступи так другая, —
Если б, имея и мать и отца, без согласия их стала,
В брак не вступивши открытый, иметь обращение с
мужчиной.
Быстро слово мое, чужеземец, исполни, чтоб скоро
Мог тебе дать мой отец возможность домой воротиться.
Встретишь ты близко к дороге священную рощу Афины
Из тополей. В ней источник струится, вокруг же лужайка.
Там у отца моего участок и сад плодоносный,
Пышный: от города он на крик отстоит человека.
В роще этой останься и жди там все время, покуда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.